

K A T A D E

Katana

Engine

EXHIBIT

Chassis

Chassis

Спрыгнув со скалы в пропасть, он остался в живых. Карлос возвращается в Мексику, чтобы узнать, был ли реальным этот невероятный прыжок. Неожиданно он встречается с группой женщин-магов, тоже учениц дона Хуана, и, чтобы не погибнуть в стычке с ними, обнаруживает в себе магическую способность выходить из своего тела в виде могущественного дубля.

Он узнает, что все атаки на него были спланированы самим доном Хуаном для того, чтобы он открыл в себе силу и осознал себя как нового Нагваля. В результате взаимодействия с безупречной женщиной-воином Ла Гордой, Карлос принимает на себя ответственность лидера новой партии Нагваля.

КАРЛОС КАСТАНЕДА

ВТОРОЕ КОЛЬЦО СИЛЫ

Плоская и бесплодная вершина горы на западных склонах Сьерра-мадрс в Центральной Мексике была остановкой для моей последней встречи с доном Хуаном и доном Хенаро и их двумя другими учениками – Паблито и Нестором. Торжественность и масштаб того, что имело там место не оставляло в моем уме никакого сомнения, что ученичество подошло к своему заключительному моменту, и что я действительно вижу дона Хуана и дона Хенаро в последний раз. В самом конце мы все попрощались друг с другом, а затем я и Паблито прыгнули вместе с вершины горы в пропасть.

Перед этим прыжком дон Хуан сформулировал некий фундаментальный принцип для всего, что должно было случиться со мной. Согласно ему я, прыгнув в пропасть, должен был стать чистым восприятием и двигаться туда и сюда между тоналем и нагвалем, двумя внутренне присущими сферами всего творения.

Во время моего прыжка мое восприятие прошло через семнадцать упругих отскоков между тоналем и нагвалем. Во время своих движений в Нагваль я воспринимал свое тело как распавшееся. Я не мог думать и чувствовать связным унифицированным образом так, как я делал это обычно, однако, я как-то думал и чувствовал. Во время своих движений в тональ я прорывался в единство. Я был целостным. Мое восприятие имело связность. У меня было видение порядка. Их непреодолимая сила была такой интенсивной, их живость такой реальной, их сложность такой огромной, что я не был способен объяснить их для себя удовлетворительно. Сказать, что они были видениями, живы грезами или даже галлюцинациями – значит не сказать ничего, что пояснило бы их природу.

После самого тщательного и внимательного исследования и анализа своих ощущений, восприятий и интерпретаций того прыжка в пропасть я пришел к пункту, где неразумно верить в то, что он имел место в действительности. И все же другая часть меня непоколебимо настаивала на том ощущении, что он действительно произошел, что я действительно прыгнул.

Дон Хуан и дон Хенаро больше недоступны, и их отсутствие вызвало во мне настоятельную необходимость пробить путь в гущу, по-видимому, неразрешимых противоречий.

Я вернулся в Мексику, чтобы повидать Паблито и Нестора и найти у них помощь в разрешении моих конфликтов. Но то, с чем я столкнулся во время своей поездки, нельзя охарактеризовать иначе, кроме как финальным нападением на мой разум, концентрированной атакой, замышленной самим доном Хуаном. Его ученики, направленные им, при его отсутствии самым методическим и точным образом разрушили за несколько дней последний бастион моего разума. За эти несколько дней они раскрыли мне один из двух практических аспектов своей магии, искусство сновидений, которое является ядром данной работы.

Искусство выслеживания – другой практический аспект их магии и тоже венец учений дона Хуана и дона Хенаро – было представлено мне в течение последующих визитов и было гораздо более сложной гранью их существования в мире, как магов.

1. Преображение доньи Соледад

У меня возникло предчувствие, что Паблито и Нестора дома нет. Эта уверенность была такой глубокой, что я остановил свою машину в том месте, где асфальт кончился, и я хотел заново рассмотреть вопрос, стоит или нет продолжать в тот день долгую и трудную езду по крутой, покрытой гравием дороге в городок, где они жили, в горах центральной Мексики.

Я опустил окошко в своей машине. Было довольно ветрено и холодно. Я вышел, чтобы размять ноги. В результате напряжения от многочасовой езды шея и спина у меня одеревенели. Я прошелся по краю мощеной дороги. Земля была сырой от недавнего ливня. Сильный дождь все еще шел на склонах гор к югу, недалеко от того места, где я находился. Однако справа впереди меня, в сторону востока и также в сторону севера, небо было чистым. В определенных местах на извилистой дороге были видны синюющие пики горных цепей, сияющие вдали в солнечном свете.

После небольшого обдумывания я решил вернуться назад и пойти в город, так как у меня было очень своеобразное ощущение, что я найду дону Хуана на базаре. В конце концов я всегда так поступал, находя его на базарной площади, с самого начала моей связи с ним. Как правило, если я не находил его в соноре, я обычно ехал в центральную Мексику, шел на базар в этом определенном городе и раньше или позже дон Хуан объявлялся. Самое большое время, которое я когда-либо ожидал его, было два дня. Я так привык встречаться с ним таким образом, что у меня была абсолютная уверенность, что я найду его снова, как всегда.

Я ждал на базаре всю вторую половину дня. Я прохаживался туда и сюда по проходам, изображал собою человека, желающего сделать покупку. Затем я ждал около парка. В сумерках я знал, что он не придет. У меня было ясное чувство, что он был здесь, но уже ушел. Я сел на скамейку в парке, где обычно сидел с ним и попытался проанализировать свои ощущения. По прибытии в город я был в приподнятом настроении, имел твердое знание, что дон Хуан был где-то там на улицах. То, что я ощущал, было больше, чем память о нахождении его бесчисленное число раз прежде; мое тело знало, что он ждет меня. Но тогда, когда я сидел на скамейке, у меня был другой род странной уверенности. Я знал, что его там больше не было. Он ушел, и я упустил его. Я стал делаться иррациональным; это всегда случалось со мною в прошлом после нескольких дней, проведенных в этой местности.

Я пошел в свой номер в отеле, чтобы отдохнуть несколько часов, а потом я вышел снова побродить по улицам. У меня не было того предвкушения встречи с доном Хуаном, какое было во второй половине дня. Я сдался. Я вернулся обратно в отель, чтобы хорошенько выспаться.

Утром, прежде чем направиться в горы, я проехал туда и сюда по главным улицам в своей машине, но каким-то образом я знал, что напрасно теряю время. Дона Хуана там не было.

Все утро я потратил на то, чтобы добраться до маленького городка, где жили Паблито и Нестор. Я прибыл около полудня. Дон Хуан научил меня никогда не заезжать прямо в город, чтобы не привлекать любопытства зевак. Каждый раз, когда я бывал тут, я всегда съезжал с дороги как раз перед самым городом, на ровное поле, где подростки обычно играли в футбол. Почва была хорошо утрамбована на всем пути до пешеходной тропинки, которая была достаточно широка для машины и которая проходила мимо домов Паблито и Нестора в предгорьях к югу от города. Когда я достиг края поля, то обнаружил, что пешеходная тропа превратилась в гравиевую дорогу.

Я раздумывал, идти ли мне к дому Паблито или Нестора. Ощущение, что их там нет, все еще упорно сохранялось. Я решил идти к дому Паблито; я рассуждал, что Нестор жил один, в то время как Паблито жил со своей матерью и четырьмя сестрами. Если его там не окажется, эти

женщины могут помочь мне найти его. Когда я приблизился ближе к его дому, я заметил, что тропа, ведущая вверх к его дому, расширена. Грунт казался твердым, и поскольку там было достаточно места для моей машины, я подъехал почти к самой передней двери. К старому дому была пристроена новая галерея с крышей, покрытой черепицей. Собачьего лая не было, однако я увидел огромного пса, сидящего спокойно за загородкой и внимательно наблюдающего за мной. Выводок цыплят, кормившихся перед домом, рассеялся в стороны с писком. Я выключил мотор и вытянул руки над головой. Мое тело было оцепеневшим.

Дом казался безлюдным. У меня мелькнула мысль, что, по-видимому, Паблито и его семья выехали, и в доме живет кто-то другой. Внезапно передняя дверь с шумом открылась и оттуда выскочила мать Паблито, как будто ее оттуда кто-то вытолкнул. Она мельком рассеянно взглянула на меня. Когда я вылез из машины, она, кажется, увидела меня. По ее телу прошла грациозная дрожь, и она подбежала ко мне. Я подумал, что она, должно быть, вздремнула и что шум машины пробудил ее и когда она вышла посмотреть кто приехал, она сначала не узнала меня. Несообразное зрелище старой женщины, бегущей ко мне, заставило меня улыбнуться. Когда она приблизилась, я на мгновение засомневался. Каким-то образом она двигалась так проворно, что вообще не походила на мать Паблито.

– Боже мой, вот так сюрприз! – воскликнула она.

– Донья Соледад? – спросил я недоверчиво.

– Ты не узнаешь меня? – ответила она, смеясь.

Я сделал какие-то глупые замечания о ее удивительной живости.

– Почему ты всегда смотришь на меня, как на беспомощную старую женщину? – спросила она, глядя на меня насмешливо и вызывающе.

Она прямо обвиняла меня в том, что я дал ей прозвище «миссис пирамида». Я вспомнил, что однажды сказал Нестору, что по форме она напоминает мне пирамиду. У нее был очень широкий и массивный зад и маленькая остроконечная голова. Длинные платья, носимые ею, усиливали этот эффект.

– Посмотри на меня, – сказала она, – похожа я на пирамиду?

Она улыбнулась, но ее глаза заставили меня чувствовать себя неудобно. Я попытался отшутиться, но она оборвала меня и заставила признаться, что я никогда не имел ничего такого ввиду, и что, как бы это ни было, она в данный момент была такой худощавой, что ее форма не имела ничего общего с пирамидой.

– Что случилось с тобой, донья Соледад, – спросил я, – ты преображена.

– Ты сам сказал это, – ответила она мгновенно, – я была преображена. Я выразился фигурально. Однако в результате более тщательного рассмотрения я должен был признать, что метафора здесь неуместна. Она действительно была измененной личностью. Я внезапно почувствовал сухой металлический привкус во рту. Я был испуган.

Она уперла свои кулаки в бедра и стояла, слегка расставив ноги врозь, глядя мне в лицо. Она была одета в светло-зеленую юбку и беленькую блузку. Ее юбка короче тех, что она обычно носила. Я не мог видеть ее волос. Она подвязала их толстой лентой наподобие тюрбана. Она была босая и ритмично постукивала своими большими ногами по земле, улыбаясь с чистосердечием юной девушки. Я никогда не видел никого, кто распространял бы вокруг себя столько силы, сколько она. Я заметил странный блеск в ее глазах, волнующий, но не пугающий. Я подумал, что я, наверное, никогда не изучал ее внешности внимательно. Среди прочего я чувствовал себя виноватым в том, что поверхностно относился ко многим людям в течение лет, проведенных с доном Хуаном. Сила его личности делала всех других людей серыми и незначительными.

Я сказал ей, что никогда не представлял себе, что она может иметь такую колоссальную

жизненную силу, что моя невнимательность тому виной, что я не знал ее на самом деле и что я, несомненно, исправлю это в будущем.

Она подошла ко мне ближе. Она улыбнулась и положила правую руку на мое левое предплечье, мягко схватив его.

– Непременно, – прошептала она мне на ухо.

Ее улыбка застыла и глаза остекленели. Она была так близко от меня, что я ощущал прикосновение ее груди к моему левому плечу. Мое неудобство возросло, когда я попытался убедить себя, что не было никаких причин для тревоги. Я повторял себе снова и снова, что я в действительности никогда не знал матери Паблито и что, несмотря на ее странное поведение, оно, по-видимому, было обычным для нее. Но какая-то испуганная часть меня знала, что это были лишь успокоительные мысли, не имеющие ничего общего с действительностью, потому что независимо от того, как я приукрасил ее личность, я в действительности не только помнил ее очень хорошо, но и знал ее так же хорошо. Она представляла для меня архетип матери; я думал, что ей было лет под шестьдесят или даже больше. Ее слабые мускулы двигали ее массивное тело с трудом. В ее волосах было много седины. Она была, насколько я помнил ее, грустной и печальной женщиной с мягкими и красивыми чертами лица, преданной и страдающей матерью, вечно занятой на кухне, вечно усталой. Я также помнил ее как очень добрую бескорыстную женщину и очень робкую – вплоть до полной подчиненности любому, кому случалось быть около нее. Вот такое представление было у меня о ней, подкрепленное годами случайных контактов. В тот день, к моему ужасу, было что-то другое. Женщина, лицом к лицу с которой я стоял, вообще не укладывалась в представление, которое у меня было о матери Паблито, и тем не менее, она была той же самой личностью, более стройной и более сильной, выглядевшей на двадцать лет моложе, чем в последний раз, когда я ее видел. Я ощутил дрожь в своем теле.

Она сделала пару шагов передо мной и обратилась ко мне лицом: «дай мне посмотреть на тебя, – сказала она, – Нагваль сказал нам, что ты дьявол.»

Тут я вспомнил, что все они – Паблито, его мать, сестры и Нестор, казалось, никогда не хотели произносить имя дона Хуана и называли его Нагваль, и это выражение я привык употреблять и сам, разговаривая с ними.

Она смело положила руки мне на плечи – нечто такое, чего она раньше никогда не делала. Мое тело напряглось. Я действительно не знал, что сказать. Наступила долгая пауза, которая позволила мне критически взглянуть на себя со стороны. Ее появление и поведение испугало меня до такой степени, что я забыл спросить о Паблито и Несторе.

– Скажи мне, где Паблито? – спросил я ее, внезапно ощутив опасение.

– О, он ушел в горы, – ответила она уклончиво и пошла прочь от меня.

– А где Нестор?

Она закатила глаза, как если бы хотела показать свое безразличие.

– Они вместе в горах, – сказала она тем же тоном. Я испытал искреннее облегчение и сказал ей без тени сомнения, что я знаю, что с ними все в порядке.

Она взглянула на меня и улыбнулась. Волна счастья и радостного возбуждения охватила меня и я обнял ее. Она ответила мне горячим объятием; это так поразило меня, что я онемел. Ее тело было твердым. Я чувствовал в нем необычайную силу. Мое сердце начало колотиться. Я постарался осторожно отодвинуть ее и спросил, видится ли Нестор еще с доном Хенаро и доном Хуаном. Во время нашей прощальной встречи дон Хуан выражал сомнение в том, что Нестор готов был закончить свое ученичество.

– Хенаро ушел навсегда, – сказала она, позволяя мне высвободиться. Она нервно теребила край своей блузы.

– Как насчет дона Хуана?

– Нагваль ушел тоже, – сказала она, поджав губы.

– Давно они ушли?

– Ты хочешь сказать, что ты не знаешь?

Я рассказал ей, как они распрощались со мной два года тому назад, и что все, что я знал, это то, что они ушли в то время. Я не отваживался спекулировать на тему, куда они ушли, они никогда не говорили мне о своем местонахождении в прошлом, и я смирился с тем, что если бы они захотели исчезнуть из моей жизни, то все, что им надо было сделать – это отказаться от встреч со мной.

– Их нет поблизости, это точно, – сказала она, нахмурившись. – и они не собираются возвращаться обратно, это тоже точно. – ее голос был предельно бесстрастным. Она начала раздражать меня. Я захотел удалиться.

– Но зато ты здесь, – сказала она, переменив нахмуренное выражение на улыбку. – ты должен подождать Паблито и Нестора. Они жаждут увидеть тебя.

Она схватила мою руку и потянула прочь от машины. По сравнению с тем, что было в прошлом, ее смелость была удивительной.

– Но сначала разреши мне показать тебе моего друга, – сказала она и силой повлекла меня в сторону дома.

Там была огорожена площадка, нечто вроде маленького домика. В ней находился огромный кобель. Первое, что бросилось мне в глаза, была его отличная, блестящая, желтовато-коричневая шерсть. Он не был похож на обычную собаку. Цепи на нем не было, а изгородь была недостаточно высока, чтобы удержать его там. Пес остался безразличным, когда мы подошли к нему ближе, даже не шевельнул хвостом. Донья Соледад указала на большую клетку сзади. В ней, свернувшись, лежал койот.

– Это мой друг, – сказала она. – пес – нет. Он принадлежит моим девочкам.

Пес посмотрел на меня и зевнул. Он мне понравился. У меня было нелепое ощущение сродства с ним.

– Пошли теперь в дом, – сказала она, подталкивая меня рукой.

Я заколебался. Какая-то часть меня была крайне встревожена и хотела немедленно удалиться отсюда, и тем не менее другая часть меня ни за что не хотела уходить.

– Ты не боишься меня, не так ли? – спросила она обвиняющим тоном.

– Да, безусловно! – воскликнул я.

Она хихикнула и самым располагающим тоном заявила, что она грубая примитивная женщина, которая очень неуклюже владеет речью, и что она едва ли знает, как обращаться с людьми. Она посмотрела мне прямо в глаза и сказала, что дон Хуан поручил ей помочь мне, так как он беспокоится обо мне.

– Он сказал нам, что ты несерьезный и ходишь везде, причиняя много неприятностей невинным людям.

До сих пор ее утверждения были понятны мне, но я не мог представить дона Хуана, говорящего такие вещи обо мне.

Мы вошли внутрь дома. Я захотел сесть на скамейку, где Паблито и я обычно вместе сидели. Она остановила меня.

– Это не место для тебя и меня, – сказала она, – пойдем в мою комнату.

– Я лучше буду сидеть здесь, – сказал я твердо. – я знаю это место и чувствую себя удобно на нем.

Она чмокнула губами с неодобрением. Она вела себя как разочарованный ребенок. Она сжала свою верхнюю губу так, что она стала напоминать плоский клюв утки.

– Происходит какая-то ужасная ерунда, – сказал я. – я думаю, что мне лучше уехать, если ты не расскажешь мне, что происходит.

Она стала очень возбужденной и стала доказывать мне, что ее беда в том, что она не знает как разговаривать со мной. Я поставил ее перед лицом ее очевидного преобразования и потребовал, чтобы она рассказала мне что случилось. Я должен знать, как произошло это изменение.

– Если я расскажу тебе, ты останешься? – спросила она детским голосом.

– Должен буду остаться.

– В таком случае я расскажу тебе все, но это должно быть в моей комнате.

Я был в панике. Я сделал крайнее усилие, чтобы успокоить себя, и мы направились в ее комнату. Она жила в задней комнате, где Паблито построил спальню для нее. Я однажды был в этой комнате, когда она строилась, а также после того, как она была закончена, перед ее вселением туда. Комната выглядела такой же пустой, какой я видел ее раньше, не считая кровати в самом центре ее и двух скромных комодов у двери. Побелка на стенах поблекла и приобрела очень успокаивающий желтовато-белый цвет. Деревянный потолок также подвергся действию времени. Глядя на гладкие чистые стены, я подумал, что их каждый день мыли губкой. Комната была больше всего похожа на монашескую келью, очень скромную и аскетичную. Там не было никаких украшений. Она имела толстые подвижные панели, закрепленные железной щеколдой. Там не было ни кресел, ни вообще чего-нибудь, чтобы сидеть.

Донья Соледад забрала у меня блокнот, засунула его к себе за пазуху и затем села на кровать, которая была сделана из двух толстых матрасов без каких-либо пружин. Она показала, что я должен сесть рядом с ней.

– Ты и я – одно и то же, – сказала она, когда вручила мне мою записную книжку.

– Прости, я не понял.

– Ты и я – одно и то же, – повторила она, не глядя на меня.

Я не мог постигнуть, что она имеет в виду. Она уставилась на меня, как будто ожидая моей реакции.

– Но что же это означает, донья Соледад? – спросил я.

Мой вопрос, казалось, озадачил ее. Очевидно, она ожидала от меня, что я знаю, что она подразумевала. Сначала она засмеялась, но затем, когда я стал настаивать, что не понимаю, рассердилась. Она выпрямилась и обвинила меня, что я неискренен с нею. Ее глаза пылали гневом, рот скривился в очень уродливую гримасу ярости, что сделало ее очень старой.

Я искренне находился в недоумении и ощущал, что во всем, что я сказал ей, не было лжи. Она, казалось, тоже находилась в таком же затруднительном положении. Ее рот двигался, чтобы сказать что-то, но ее губы лишь подрагивали. Наконец она пробормотала, что я действовал не наилучшим образом в такой серьезный момент. Она повернулась ко мне спиной.

– Посмотри на меня, донья Соледад! – сказал я с силой. – Я никоим образом не ввожу тебя в заблуждение. Ты, должно быть, знаешь что-то такое, чего я совершенно не знаю.

– Ты слишком много разговариваешь, – резко ответила она. – Нагваль говорил мне, чтобы я никогда не позволяла тебе разговаривать. Ты все перекручиваешь.

Она вскочила на ноги и встала на полу, как избалованный ребенок. Я стал сознавать в этот момент, что комната имела другой пол. Я помнил, что он был земляным, сделанным из темной земли. Новый пол был рыжеватого-розового цвета. Я тут же прекратил стычку с ней и обошел вокруг комнаты. Я не мог представить, как же я не обратил внимания на пол, когда зашел сюда. Он был великолепен. Сначала я подумал, что это была красная глина, уложенная наподобие цемента, пока она еще мягкая и влажная, но потом я заметил, что на нем не было трещин. Глина должна была бы высохнуть, скрутиться, растрескаться и распасться на куски. Я наклонился и осторожно

провел пальцами по полу. Он был твердым, как кирпич. Глина была обожжена. Мне стало понятно, что пол сделан из очень больших плоских плиток глины, уложенных на подстилку из мягкой глины, служившей матрицей. Плитки образовывали самый запутанный и завораживающий узор, но совершенно незаметный, если не обратить специального внимания на него. Искусство, с которым были размещены плитки, указывало мне на очень хорошо продуманный план. Я хотел знать, как такие большие плитки были обожжены и не покоробились. Я повернулся, чтобы спросить донью Соледад, но быстро спохватился. Она, скорее всего, не знала ответа на вопрос, который я хотел задать. Я снова стал расхаживать по полу. Глина была немного шероховатая, почти как песчаник. Она образовывала совершенно устойчивую против скольжения поверхность.

– Этот пол выложил Паблито? – спросил я.

Она не ответила.

– Великолепная работа, – сказал я. – вы должны очень гордиться им.

Я не сомневался, что это сделал Паблито. Ни у кого не могло найтись воображения и способности задумать это. Я сообразил, что он, должно быть, сделал это в то время, когда меня здесь не было. Но тут же мне в голову пришла другая мысль, что я никогда не бывал в комнате доньи Соледад с тех пор, как она была построена шесть или семь лет назад.

– Паблито! Паблито! Вот еще! – воскликнула она сердитым раздраженным тоном. – потвоему, он единственный, кто способен делать вещи?

Мы обменялись пристальным взглядом, и вдруг я понял, что это она сделала пол и что на это ее подбил дон Хуан. Мы спокойно стояли, глядя друг на друга некоторое время. Я чувствовал, что было бы излишне спрашивать у нее, прав ли я.

– Я сделала его сама, – наконец сказала она сухим тоном. – Нагваль рассказал мне, как.

Ее утверждения повергли меня в эйфорию. Я заключил ее в объятия и приподнял. Я кружил ее вокруг себя. Все, до чего я мог додуматься, так это забросать ее вопросами. Я хотел знать, как она отделила плитки, что означали узоры, где она брала глину. Однако она не разделяла моего возбуждения. Она оставалась спокойной и безучастной, поглядывая на меня искоса время от времени.

Я прошелся по полу снова. Кровать была расположена в самом эпицентре некоторых сходящихся линий. Глиняные плитки были обрезаны под острым углом, создавая сходящиеся линии, которые, казалось, выходили из-под кровати.

– У меня нет слов, чтобы сказать тебе, как я впечатлен, – сказал я.

– Слова! Кому нужны слова? Резко сказала она.

У меня вспыхнуло подозрение. Мой разум продал меня. Был только один-единственный способ объяснения ее замечательной метаморфозы: дон Хуан должен был сделать ее своей ученицей. Как иначе старая женщина, подобная донье Соледад, могла обратиться в такое таинственное сильное существо? Это должно было быть мне ясно с того самого момента, когда я бросил взгляд на нее, но моя совокупность ожидания относительно нее не включала такую возможность.

Я сделал заключение, что все, что сделал дон Хуан с ней, должно было иметь место в течение двух лет, в которые я не видел ее, хотя два года, казалось, едва ли были достаточны для такого замечательного изменения.

– Мне кажется, я теперь знаю, что произошло с тобой, – сказал я небрежным и бодрым тоном. – кое-что прояснилось у меня в уме прямо сейчас.

– О, вот как? – сказала она совершенно незаинтересованно.

– Нагваль научил тебя, и ты стала магом, не правда ли?

Она свирепо посмотрела на меня. Я ощутил, что я сказал наихудшую возможную вещь. На

ее лице было выражение настоящего презрения. Она не собиралась мне ничего говорить.

– Какой же ты ублюдок! – внезапно воскликнула она, сотрясаясь от ярости.

Я подумал, что ее гнев был неоправданным. Я сидел на одном конце кровати, а она нервно постукивала по полу пяткой. Затем она села на другой конец, не глядя на меня.

– Чего ты на самом деле хочешь, чтобы я сделал? – спросил я твердым угрожающим тоном.

– Я уже сказала тебе! – ответила она криком. – ты и я – одно и то же.

Я попросил ее объясниться, что она имеет в виду, так как не мог и на мгновение допустить, что я что-нибудь знаю. Эти утверждения рассердили ее еще больше. Она резко вскочила и сбросила свою юбку на пол.

– Вот то, что я имею в виду! – завопила она, проводя рукой по области лона.

Мой рот непроизвольно открылся. До меня начало доходить, что я уставился на нее, как идиот.

– Ты и я являемся одним здесь! – сказала она.

Я был ошеломлен. Донья Соледад, старая индейская женщина, мать моего друга Паблито, стояла полуобнаженной в нескольких футах от меня, показывая свои гениталии. Я уставился на нее, неспособный сформулировать никакой мысли. Единственное, что я знал, это то, что ее тело не было телом старой женщины. У нее были прекрасные мускулистые бедра, темные и лишенные волос. Костная структура ее боков была широкой, но на них не было жировых отложений.

Она, должно быть заметила мой изучающий взгляд и бросилась на постель.

– Ты не знаешь, что делать, – сказала она, указывая на свое лоно. – мы являемся одним здесь.

Она обнажила свои крепкие груди.

– Донья Соледад, я тебя умоляю! – воскликнул я. – что с тобой происходит? Ты же мать Паблито!

– Нет! – отрезала она. – я ему не мать.

Она села и посмотрела на меня горящими глазами.

– Я, как и ты, часть Нагваля, – сказала она. – нам предназначено соединиться.

Она раздвинула свои ноги и я отскочил.

– Подожди немного, донья Соледад, – сказал я. – давай поговорим.

У меня был приступ дикого страха и возникла внезапно сводящая с ума мысль. Почему не может быть так, спросил я себя, что дон Хуан спрятался где-нибудь поблизости, смеясь до упаду?

– Дон Хуан! – заорал я.

Мой вопль был таким громким и глубоким, что донья Соледад соскочила с постели и поспешно натянула на себя юбку. Я видел, как она надевала ее, когда я закричал снова.

– Дон Хуан!

Я побежал через дом, выкрикивая имя дон Хуана до тех пор, пока у меня не заболело горло. Донья Соледад тем временем тоже выбежала из дому и стала около моей машины, смущенно глядя на меня.

Я шагнул к ней и спросил ее, не дон ли Хуан сказал ей сделать это. Она кивнула утвердительно. Я спросил ее, нет ли его поблизости. Она сказала, что нет.

– Расскажи мне все, – сказал я.

Она рассказала мне, что она только следовала распоряжениям дон Хуана. Он велел ей изменить свое существо в воина, чтобы помочь мне. Она заявила, что она ожидала годы, чтобы выполнить это обязательство.

– Я очень сильная сейчас, – сказала она мягко. – как раз для тебя. Но ты невзлюбил меня в

моей комнате, не так ли?

Я пустился в объяснения, что дело не в этом, что я учитывал лишь свои чувства к Паблито; затем я осознал, что я не отдаю себе никакого отчета в том, что я говорю.

Донья Соледад, казалось, поняла мое замешательство и сказала, что наш инцидент должен быть забыт.

– Ты, должно быть, голоден, – сказала она оживленно, – я приготовлю тебе что-нибудь поесть.

– Ты мне ничего не объяснила, – сказал я. – я буду откровенным с тобой, – я не хотел бы оставаться здесь ни за что на свете. Ты пугаешь меня.

– Ты обязан принять мое гостеприимство, раз речь идет только о чашке кофе, – сказала она спокойно. – ну, давай забудем то, что случилось.

Она сделала жест, приглашающий идти в дом. В этот момент я услышал громкое рычание. Пес стоял, глядя на нас, как будто понимая, о чем идет речь.

Донья Соледад фиксировала на мне самый пугающий пристальный взгляд. Затем она смягчила его и улыбнулась.

– Не допускай, чтобы мои глаза беспокоили тебя, – сказала она. – по правде говоря, я старая. В последнее время у меня бывают головокружения. Я думаю, что мне нужны очки.

Она разразилась смехом и стала дурачиться, глядя через свернутые кольцом пальцы, как будто они были очками.

– Старая индейская женщина в очках! Это будет посмешище, – сказала она, хихикая.

Тогда я принял решение грубо удалиться отсюда без всяких объяснений. Но перед отъездом отсюда я хотел оставить некоторые вещи для Паблито и его сестер. Я открыл багажник машины, чтобы достать подарки, которые я привез им. Я наклонился глубоко в него, чтобы достать сначала два пакета, которые были уложены против стенки заднего сидения, за запасной камерой. Я взял один и уже приготовился взять другой, как вдруг я ощутил легкую пушистую лапу на затылке. Я непроизвольно вскрикнул и стукнулся головой об открытую крышку. Я обернулся, чтобы посмотреть. Давление пушистой лапы не позволяло мне повернуться полностью, но я смог мельком заметить серебристую руку или лапу, нависающую над моей шеей. Я изогнулся в панике, метнулся прочь от багажника и упал ни сидение с пакетом в руке. Все тело у меня сотрясилось, мускулы ног, сжались и я непроизвольно вскочил и побежал прочь.

– Я не собиралась напугать тебя, – сказала донья Соледад извиняющимся тоном, когда я наблюдал за ней с расстояния десяти футов.

Она показала мне ладони своих рук в жесте капитуляции, как бы заверяя меня, что то, что я ощутил, не было ее рукой.

– Что ты сделала со мной? – спросил я, пытаясь говорить спокойно и отрешенно.

Она казалась совершенно озадаченной и растерянной. Она пробормотала что-то и встряхнула головой, словно не могла сказать это или не знала, о чем я говорю.

– Ну ладно, донья Соледад, сказал я, подойдя ближе к ней, – не разыгрывай трюков со мной. Казалось, она вот-вот расплачется. Я хотел утешить ее, но какая-то часть меня сопротивлялась. После краткой паузы я сказал ей, что я ощущал и видел.

– Это действительно ужасно! – сказала она пронзительным голосом. Очень детским жестом она закрыла свое лицо правым предплечьем. Я подумал, что она плачет. Я подошел к ней и попытался было обнять своей рукой ее плечо. Я не мог заставить себя сделать это.

Я остановился перед ней, чтобы посмотреть ей в лицо. Я мог видеть ее черные сияющие глаза и часть ее лица за рукой. Она не плакала. Она улыбалась.

Я отскочил назад. Ее улыбка ужасала меня. Мы оба долго стояли неподвижно. Она продолжала закрывать свое лицо, но я мог видеть ее глаза, которые наблюдали за мной.

Когда я стоял там, почти парализованный страхом, я ощущал крайнюю подавленность. Я оказался в безвыходном положении. Донья Соледад была колдуньей. Мое тело знало это, и все же я не мог реально поверить в это. Я хотел верить в то, что донья Соледад стала сумасшедшей и содержится в этом доме как в психушке.

Я не отважился двинуться или отвести свои глаза от нее. Мы, должно быть, стояли в этом положении пять или шесть минут. Она держала свою руку поднятой и, несмотря на это, неподвижной. Она стояла около задней части машины, прислонившись почти к левому крылу. Крышка багажника все еще была открыта. Я задумал сделать бросок к правой двери. Ключи были в зажигании.

Я немного расслабился, чтобы набрать импульс для бега. Она, казалось, немедленно заметила изменение моего положения. Ее рука двинулась вниз, открывая все ее лицо. Ее зубы были стиснуты. Глаза свои она фиксировала на мне. Взгляд их был суров и неприветлив. Внезапно она, пошатываясь, направилась ко мне. Она ступила вперед правой ногой и протянула вперед скрюченные кисти, пытаясь схватить меня за талию, и испустила пронзительный крик.

Мое тело отпрыгнуло назад из пределов ее досягаемости. Я побежал к машине, но она с непостижимой ловкостью бросилась к моим ногам и сделала мне подножку. Я упал лицом вниз, и она быстро схватила меня за левую ногу. Я поджал свою правую ногу и стал колотить ее в лицо подошвой моего ботинка, пока она не отпустила меня и не отпрыгнула назад. Я вскочил на ноги и попытался открыть дверь машины. Она была заперта. Я бросился над капотом к другой стороне, но каким-то образом донья Соледад оказалась там раньше меня. Я попытался перекатиться назад над капотом, но на полпути ощутил резкую боль в своей правой икре. Она схватила меня за ногу. Я не мог ударить ее левой ногой, она прижала мои обе ноги к капоту. Она потащила меня к себе, и я упал на нее сверху. Мы продолжали бороться на земле. Ее сила была поразительной, а ее вопли были ужасными. Я едва мог двигаться под действием гигантского давления ее тела. Дело было не в весе, а скорее в напряжении, и оно у нее было. Внезапно я услышал рычание и огромный пес прыгнул ей на спину и отшвырнул ее от меня. Я встал. Я хотел попасть в машину, но женщина и пес боролись около двери. Единственным спасением было пойти в дом. Я сделал это за одну-две секунды. Я не обернулся, чтобы посмотреть на них, а бросился внутрь и захлопнул дверь за собой, закрыв ее железной щеколдой, которая находилась на ней. Я побежал в заднюю часть дома и сделал то же самое с другой дверью.

Изнутри я мог слышать яростное рычание пса и нечеловеческие вопли женщины. Затем вдруг лай и рычание пса превратились в вой и скуление, как будто ему было больно или как будто что-то напугало его. Я ощутил дерганье под ложечкой. Уши у меня начали гудеть. Я понял, что попал в ловушку внутри дома. У меня был приступ полнейшего ужаса. Я клял себя за идиотскую идею – забежать в дом. Атака женщины привела меня в такое интенсивное замешательство, что я потерял всякое стратегическое чутье и вел себя так, как будто убегал от обычного противника, которому можно было преградить дорогу, просто закрыв дверь. Я слышал, как кто-то подошел к двери и налег на нее, пытаясь открыть. Затем послышались громкие стуки и сильные удары по ней.

– Открой дверь, – сказала донья Соледад твердым тоном. – проклятая собака покалечила меня.

Я взвешивал, впустить ее или нет. Тут мне на ум пришло воспоминание о столкновении, которое у меня было несколько лет тому назад с одной женщиной-магом, которая, если верить дону Хуану, приняла его обличье, чтобы обмануть меня и нанести смертельный удар. Очевидно, донья Соледад не была такой, какой я ее знал, но у меня были причины сомневаться, что она была магом. Паблито, Нестор и я находились в контакте с доном Хуаном и доном Хенаро в течение целого ряда лет, и мы не были хоть сколько-нибудь магами, как же им могла быть донья

Соледад? Независимо от того, сколь сильно она изменилась, она не могла импровизировать нечто такое, что потребовало бы целой жизни для своего осуществления.

– Почему ты нападаешь на меня? – спросил я, говоря громко, чтобы ей было слышно меня через толстую дверь.

Она не ответила; вместо этого она стала яростно колотить по двери, а я с такой же силой отражал удары. Мы продолжали стук по двери несколько минут. Она остановилась и стала просить меня открыть дверь. Я почувствовал прилив нервной энергии. Я знал, что если я открою дверь, то у меня будет шанс спастись бегством. Я снял щеколду с двери. Она вошла пошатываясь. Ее блуза была разорвана. Лента, удерживающая волосы, свалилась, и ее длинные волосы рассыпались по всему лицу.

– Посмотри, что этот сын суки сделал со мной! – закричала она. – посмотри! Посмотри!

Я глубоко вздохнул. Она казалась несколько ошеломленной. Она села на скамейку и начала снимать свою порванную блузу. Я воспользовался этим, чтобы выбежать из дома и рвануться к машине. С быстротой, порожденной исключительно страхом, я заскочил внутрь, захлопнул дверь, автоматически включил мотор и дал задний ход. Я нажал на педаль газа и повернул голову, чтобы посмотреть назад через заднее стекло. Когда я повернулся, я ощутил горячее дыхание на своем лице; я услышал устрашающее рычание и в одно мгновение увидел демонические глаза пса. Я увидел его ужасные зубы почти у своих глаз. Я быстро наклонил голову. Его зубы схватили мои волосы. Я весь изогнулся на сидении и, делая это, смог включить сцепление. Резкая остановка машины заставила пса потерять равновесие. Я открыл дверь и выскочил. Голова пса выглядывала из двери. Я услышал клацанье его огромных зубов, когда его пасть захлопнулась, промахнувшись всего на несколько дюймов от моих каблучков. Машина начала выруливать обратно, и я сделал другой бросок к дому. Достигнув двери, я остановился.

Там стояла донья Соледад. Она снова подвязала свои волосы. Она накинула шаль себе на плечи. Она быстро взглянула на меня, а затем начала смеяться, сначала очень мягко, словно ее раны причиняли ей боль, а потом громко. Она указывала на меня пальцем и придерживала живот, конвульсивно содрогаясь от смеха. Она выгнулась и потянулась, по-видимому для того, чтобы задержать дыхание. Она была обнажена выше талии. Мне были видны ее груди, сотрясающиеся от смеха.

Я почувствовал, что все было потеряно. Я обернулся, чтобы взглянуть на машину. Она проехала 4 – 5 футов и остановилась; дверь снова захлопнулась, закрыв пса внутри. Мне было видно и слышно, как огромный зверь грызет спинку переднего сидения и скребет окно.

Я встал лицом к лицу в этот момент перед очень своеобразным решением. Я не знал, кто перепугал меня больше, донья Соледад или ее пес. После короткого размышления я решил, что собака была всего лишь глупым животным.

Я побежал обратно к машине и взобрался на крышу. Шум разъярил пса. Я слышал, как он разрывал обивку. Лежа на крыше, я ухитрился открыть дверь водителя. Моей идеей было открыть обе двери, а затем соскользнуть с крыши в машину через одну из дверей после того, как пес выскочит через другую. Я наклонился вниз, чтобы открыть правую дверь. Я забыл, что она была заперта. В этот момент голова пса высунулась из открытой двери. У меня возник приступ слепой паники при мысли, что собака собирается выскочить из машины и прыгнуть на крышу.

Менее чем за секунду я соскочил на землю и очутился стоящим у двери дома.

Донья Соледад подвязывалась в дверном проеме. Смех выходил из нее отдельными приступами, которые казались почти болезненными.

Пес остался внутри машины, все еще пуская пену от ярости. Очевидно, он был чересчур велик и не мог пропихнуть свое массивное тело над передним сиденьем. Я подошел к машине и осторожно закрыл дверь снова. Я поискал длинную палку, чтобы открыть замок правой двери.

Я занимался поисками на площадке перед домом. Вокруг не было ни единого куска дерева. Тем временем донья Соледад ушла внутрь дома. Я оценил свою ситуацию. У меня не было другой альтернативы, кроме как обратиться к ее помощи. С большим беспокойством я переступил порог, смотря во все стороны на тот случай, если она прячется за дверью, подстерегая меня.

– Донья Соледад! – выкрикнул я.

– Какого черта тебе надо? – крикнула она из своей комнаты.

– Пожалуйста, выйди и забери свою собаку из моей машины, – сказал я.

– Ты шутишь? – ответила она. – это не моя собака. Я тебе уже говорила, что она принадлежит моим девочкам.

– А где твои девочки? – спросил я.

– Они в горах, – ответила она.

Она вышла из своей комнаты и уставилась на меня.

– Хочешь увидеть, что этот проклятый пес сделал со мной? – спросила она сухим тоном. – смотри!

Я не нашел никаких видимых отметин зубов на ее спине, там было только несколько длинных глубоких царапин, которые она могла получить в результате трения о твердую почву. В конце концов она могла поцарапаться, нападая на меня.

– Там ничего нет, – сказал я.

– Пойди и посмотри на свету, – сказала она и подошла к двери.

Она настаивала, чтобы я искал глубокие раны от собачьих зубов. Я чувствовал себя глупо. Я чувствовал тяжесть вокруг глаз, особенно на бровях. Вместо этого я вышел. Пес не двигался и начал гавкать, как только я вышел из дома.

Я проклинал себя. Мне некого было обвинять, кроме самого себя. Я попал в эту ловушку, как дурак. Затем тут же я решил сходить в город. Но мой бумажник, мои документы, все, что у меня было, находилось в моем портфеле на полу машины, как раз под ногами собаки. Меня охватило отчаяние. В город идти было бесполезно. Денег, которые были у меня в кармане, не хватило бы даже на чашку кофе. У меня не было другой альтернативы, кроме как выгнать пса из машины.

– Какой пищей питается эта собака? – закричал я, стоя у двери.

– Почему бы тебе не попробовать дать ей свою ногу? – крикнула донья Соледад в ответ из своей комнаты и захихикала.

Я поискал немного приготовленной пищи в доме. Горшки были пустыми. Не оставалось ничего другого, как снова обратиться к ней. Мое отчаяние сменилось гневом. Я ворвался в ее комнату, готовый к борьбе до конца. Она лежала на своей кровати, укрытая шалью.

– Пожалуйста, прости меня за все, что я тебе сделала, – сказала она напрямик, глядя в потолок.

Ее решительность погасила мой гнев.

– Ты должен понять мое положение, – продолжала она. – я не могла позволить тебе уйти.

Она мягко засмеялась и ясным спокойным голосом сказала, что она виновата в том, что была алчной и грубой, что она почти достигла успеха в том, что бы напугать меня своим шутловством, но что ситуация внезапно изменилась. Она сделала паузу и села в постели, прикрыв свои груди шалью, а затем добавила, что в ее тело снизошла странная уверенность. Она подняла взгляд к потолку и начала двигать руками странным ритмическим образом, как ветряная мельница.

– Для тебя не существует способа уехать сейчас, – сказала она.

Она изучающе смотрела на меня без всякого смеха. Мой внутренний гнев утих, но отчаяние

было сильнее, чем когда бы то ни было. Я действительно знал, что в отношении фактической силы я не мог сравниться ни с ней, ни с псом.

Она сказала, что наша встреча была предрешена годы тому назад, что никто из нас не имел достаточно силы, чтобы ускорить ее или воспрепятствовать ей.

– Не борись с собой, пытаясь уехать, – сказала она. – это так же бесполезно, как моя попытка удержать тебя здесь. Нечто помимо твоей воли вызовет тебя отсюда, и нечто помимо моей воли удержит тебя здесь.

Каким-то образом ее уверенность не только смягчило ее, но и дала ей большую власть над словами. Ее утверждения были неотразимыми и кристально ясными. Дон Хуан уже говорил, что я был доверчивой душой, когда дело доходило до слов. Когда она говорила, я обнаружил, что думаю, будто она в действительности не была такой угрожающей, как я думал. Она больше не производила ощущения, как будто она готова к нападению. Мой разум чувствовал себя почти свободно, но другая часть меня – нет. Все мускулы моего тела были как натянутая проволока, и, тем не менее, я должен был признаться самому себе, что хотя она испугала меня до потери сознания, я нашел ее очень притягательной. Она наблюдала за мной с блеском в глазах. Ее маленькие белые зубы придавали ее улыбке дьявольский вид. Круглое лицо ее было странно гладким и совершенно лишенным морщин. Две глубокие линии, сбегаящие с обеих сторон носа к уголкам рта, придавали ее лицу выражение зрелости, но не возраста. Когда она вставала с постели, ее шаль соскользнула вниз, обнажив ее полные груди. Она не дала себе труда накрыться снова. Вместо этого она выпятила грудную клетку и подняла груди.

– О, ты уже заметил, да? – сказала она и повернула свое тело из стороны в сторону, как будто была довольна собой. – я всегда подвязываю свои волосы за головой. Нагваль сказал мне сделать так. Натяжение делает мое лицо моложе.

Я был уверен, что она собирается говорить о своих грудях. Ее уловка поразила меня.

– Я не имею в виду, что натяжение моих волос заставляет меня выглядеть моложе, – продолжала она с чарующей улыбкой, – натяжение моих волос делает меня моложе.

– Как это возможно? – спросил я.

Она ответила мне вопросом. Она поинтересовалась, понял ли я как следует дон Хуана, когда он говорил, что любая вещь становится возможной, если человек хочет ее с непреклонной настойчивостью. Я желал более точного объяснения. Я хотел знать, что она еще делает, кроме стягивания своих волос, чтобы выглядеть такой молодой. Она сказала, что она ложится в своей постели и опустошает себя от всех мыслей и ощущений, а затем позволяет линиям своего тела изгладить все морщины прочь. Я добивался от нее больше деталей: какие ощущения, чувствования, восприятия она испытывала, лежа в своей постели. Она настаивала, что она не ощущала ничего, что она не знала, как действуют линии ее тела, что она знала только то, что не надо позволять своим мыслям вторгаться.

Она сложила руки на мою грудь и очень мягко подтолкнула меня. Это был жест, что с нее довольно моих вопросов. Мы вышли наружу через заднюю дверь. Я сказал ей, что мне нужна длинная палка. Она сразу пошла к куче дров, но там не было длинных палок. Я спросил ее, не может ли она дать мне пару гвоздей, чтобы скрепить два куска из дровяной кучи. Мы безуспешно обыскали весь дом в поисках гвоздей. Наконец, мне удалось вытащить самую длинную палку, какую я мог найти, из клетки для цыплят, которую Паблито построил за домом. Эта палка, хотя и была немного хрупкой, показалась подходящей для моей цели.

Донья Соледад не улыбалась и не шутила во время наших поисков. Она казалась полностью поглощенной своей задачей помочь мне. Ее концентрация была такой интенсивной, что я ощутил, что она желала мне успеха.

Я пошел к своей машине, вооруженный длинной палкой, а также короткой из дровяной

кучи. Донья Соледад стояла у передней двери.

Я стал дразнить собаку короткой палкой в правой руке и в то же время пытался освободить замок длинной палкой, находящейся в другой руке. Пес едва не цапнул меня за правую руку и заставил выпустить короткую палку. Ярость и сила огромного зверя были такими неизмеримыми, что я чуть не потерял длинную палку тоже. Пес готовился перекусить ее надвое, как донья Соледад вдруг пришла мне на помощь; колотя по заднему окошку, она отвлекла на себя внимание пса, и он позволил забрать палку.

Воодушевленный ее отвлекающим маневром, я нырнул головой вперед, проскользнул по всей длине переднего сидения и сумел освободить замок. Я попытался немедленно отступить назад, но пес набросился на меня всей своей мощью и фактически его массивные плечи и передние лапы нависли над передним сиденьем, прежде чем я успел вернуться назад. Я ощущал его лапы на своем плече. Я съезжился от страха. Я знал, что он хочет растерзать меня. Пес наклонил свою голову, собираясь прикончить меня, но вместо того, чтобы укусить меня, он ударился о рулевое колесо. Я стремительно рванулся и одним движением выскочил на капот, а затем на крышу. Все мое тело было избито.

Я открыл правую дверь. Я попросил донью Соледад подать мне длинную палку и ею нажал на рычаг, чтобы освободить спинку из вертикального положения. Я полагал, что если я буду дразнить пса, он свалит ее вперед и тем самым проложит себе путь к выходу из машины. Но он не двигался. Он лишь яростно грыз палку.

В этот момент донья Соледад вскочила на крышу и легла рядом со мной. Она хотела помочь мне дразнить собаку. Я сказал ей, что она не может оставаться на крыше, так как, когда пес вылезет, я собираюсь забраться в машину и уехать. Я поблагодарил ее за помощь и сказал, что ей следует вернуться в дом. Она пожала плечами, спрыгнула вниз и пошла обратно к двери. Я нажал на защелку снова и своей фуражкой стал дразнить пса. Я хлопал около его глаз прямо перед его мордой. Ярость пса была неопишуемой, однако он не собирался покинуть сидение. Наконец его массивные лапы выбили палку из моей руки. Я спустился вниз, чтобы поднять ее из-под машины. Внезапно я услышал пронзительный крик доньи Соледад.

– Осторожно! Он вылезает!

Я взглянул на машину. Пес протискивался над сиденьем. Его задние лапы застряли в рулевом колесе. За исключением этого он был почти вне машины.

Я бросился к дому и оказался внутри как раз вовремя для того, чтобы это животное не успело настигнуть меня. Его разгон был таким сильным, что он с размаху налетел на дверь.

Заперев дверь на щеколду, донья Соледад сказала, хихикая:

– Я говорила тебе, что это было бесполезно.

Она прочистила свое горло и повернулась, чтобы посмотреть на меня.

– Ты можешь связать его веревкой? – спросил я.

Я был уверен, что она даст мне ничего не значащий ответ, но, к моему удивлению, она сказала, что мы должны испробовать все, даже заманить собаку в дом и закрыть ее там.

Ее идея привлекла меня. Я осторожно открыл переднюю дверь. Пса там больше не было. Я рискнул высунуться немного больше. Его не было видно. Я надеялся на то, что пес ушел обратно в свой кораль. Я собирался немного подождать и затем сделать бросок к машине, как вдруг я услышал сильное рычание и увидел массивную голову зверя внутри своей машины. Он забрался опять на переднее сидение.

Донья Соледад была права, было бесполезно пытаться. Волна уныния охватила меня. Каким-то образом я знал, что мой конец был близок. В приступе полнейшего отчаяния я сказал донье Соледад, что собираюсь взять нож из кухни и убить пса, либо быть убитым им, и я сделал бы это, если бы не оказалось, что во всем доме нет ни одного металлического предмета.

– Разве Нагваль не учил тебя принимать свою судьбу? – спросила донья Соледад, следуя по пятам за мной. – этот пес не обычная собака. Этот пес имеет силу. Он воин. Он сделает то, что должен сделать. Даже убьет тебя.

У меня был момент неконтролируемого срыва, я схватил ее за плечи и зарычал. Она не казалась удивленной или тронутой моим внезапным взрывом. Она повернулась ко мне спиной и сбросила свою шаль на пол. Ее спина была очень сильной и красивой. У меня было непреодолимое желание ударить ее, но вместо этого я провел рукой по ее плечам. Ее кожа была мягкой и гладкой. Ее руки и плечи были мускулистыми, не будучи большими. У нее, по-видимому, был минимальный слой жира, который окружал ее мускулы и придавал верхней части ее тела видимость гладкости, и тем не менее, когда я надавливал на любую часть ее тела кончиками пальцев, я мог чувствовать твердость невидимых мускулов под гладкой поверхностью. Я не хотел смотреть на ее груди.

Она пошла на крытую площадку в задней части дома, которая служила кухней. Я последовал за ней. Она села на скамейку и спокойно помыла ноги в бадье. Когда она обувала сандалии, я пошел в большой тревоге в новую постройку, которая была сделана в большей части дома. Она стояла около двери, когда я выходил.

– Ты любишь говорить, – сказала она мимоходом, ведя меня в свою комнату. – торопиться некуда, теперь мы можем говорить вечно.

Она достала мой блокнот с верхушки своего комода, куда она, должно быть, сама положила его, и вручила его мне с преувеличенной любезностью. Затем она сняла покрывало, аккуратно сложила его и положила верхушку того же комода. Тут я заметил, что оба комода были под цвет стен, желтовато-белыми, а постель без покрывала рыжеватого-красной, более или менее под цвет пола. Покрывало с другой стороны темно-коричневым, наподобие дерева потолка и деревянных панелей окон.

– Давай поговорим, – сказала она, сняв сандалии и удобно усаживаясь на постели.

Она поместила свои колени напротив своих обнаженных грудей. У нее был вид молодой девушки. Ее агрессивность и властная манера смягчились и сменились обаянием. В этот момент она была полной противоположностью тому, чем она была раньше. Я вынужденно рассмеялся над тем, как она убеждала меня писать. Она напомнила мне дону Хуана.

– Теперь у нас есть время, – сказала она. – ветер изменился. Ты заметил это?

Я заметил. Она сказала, что новое направление ветра было ее собственным благоприятным направлением, и таким образом, ветер превратился в ее помощника.

– Что ты знаешь о ветре, донья Соледад? – спросил я, когда спокойно уселся в ногах ее постели.

– Только то, чему Нагваль научил меня, – сказала она. – каждая из нас, то есть женщин, имеет специфическое направление, особый ветер. Мужчины не имеют. Я северный ветер; когда он дует, яд делаюсь другой. Нагваль сказал, что женщина-воин может использовать свой особый ветер для всего, чего она захочет. Я использовала его, чтобы привести в порядок свое тело и переделать его. Смотри на меня! Я – северный ветер. Ощути меня, когда я вхожу через окно.

Сильный ветер дул через окно, которое было стратегически размещено так, чтобы быть обращенным к северу. – почему ты думаешь, что мужчины не имеют ветра? – спросил я.

Она на мгновение задумалась, а затем ответила, что Нагваль никогда не упоминал почему.

Ты хочешь знать, кто сделал этот пол? – сказала она, закутывая одеялом плечи. – я сделала его сама. Я потратила четыре года, чтобы выложить его. Теперь этот пол подобен мне самой.

Когда она говорила, я заметил, что сходящиеся линии на полу были ориентированы так, что начинались с севера. Однако комната не была расположена совершенно в соответствии со странами света, поэтому ее постель располагалась под некоторым углом к стенам, и так же шли

линии, образованные глиняными плитками.

– Почему ты сделала пол красным, донья Соледад?

– Это мой цвет. Я красная, подобно красной почве. Я нашла красную глину в горах поблизости отсюда. Нагваль сказал мне, где искать, и он также помог мне носить ее, и то же делали все остальные. Они все помогали мне.

– Как ты обжигала глину?

– Нагваль вырыл мне яму. Мы заполнили ее топливом, а потом сложили штабелем глиняные плитки, переложив их плоскими кусочками камня. Я закрыла яму крышкой из почвы и проволоки и подожгла деревянные дрова. Они горели несколько дней.

– Как ты уберегла плитки от искривления?

– Это не я. Это делал ветер, который дул все время, пока горел огонь. Нагваль показал мне, как копать яму, чтобы она была обращена лицом к северу и северному ветру. Он также заставил меня оставить четыре дыры для северного ветра, чтобы он дул в яму. Потом он велел мне оставить одну дыру в центре крышки, чтобы мог выходить дым. Ветер заставил гореть дерево несколько дней; когда яма остыла, я открыла ее и начала чистить и выравнивать плитки. Мне потребовалось больше года, чтобы сделать достаточное количество плиток и закончить пол.

– Как ты придумала узор?

– Ветер научил меня этому. Когда я делала свой пол, Нагваль уже научил меня не сопротивляться ветру. Он показал мне, как поддаться моему ветру и позволять ему руководить мною. На это он потратил много времени, годы и годы. Я была очень очень упрямой, неразумной старой женщиной вначале; он сказал мне это сам, и он был прав. Но я училась очень быстро. Наверное потому, что я старая и мне больше нечего терять. В самом начале у меня были большие трудности со страхом, который у меня был. Одно присутствие Нагваля заставляло меня заикаться и робеть. Нагваль производил такой же эффект на всех остальных. Это была его судьба – быть таким устрашающим.

Она перестала говорить и устремила на меня взгляд.

– Нагваль не человеческое существо, – сказала она.

– Что заставляет говорить тебя это?

– Нагваль – дьявол, кто знает с какого времени.

Ее утверждения бросили меня в озноб. Я ощутил, что мое сердце колотится. Она, безусловно, не могла бы найти лучшего слушателя. Я был заинтересован в высшей степени. Я попросил ее объяснить, что она имеет в виду.

– Контакт с ним изменил людей, – сказала она. – ты знаешь это.

Он изменил твое тело. В твоём случае ты даже не знаешь, что он сделал это. Но он вошел в твое старое тело. Он что-то вложил в него. То же самое он сделал со мной. Он оставил нечто во мне и это нечто взяло верх. Только дьявол может сделать это. Теперь я северный ветер и я не боюсь никого и ничего. Однако, до того, как он изменил меня, я была слабой безобразной старой женщиной, которая робела от одного упоминания его имени. Паблито, конечно, не мог помочь мне, так как он боялся Нагваля пуще смерти.

Однажды Нагваль и Хенаро пришли в дом, когда я была одна. Я слушала их за дверью, словно подкрадывающихся ягуаров. Я перекрестилась; для меня они были двумя демонами, однако, я вышла, чтобы посмотреть, что я смогу сделать для них. У меня были миски, сделанные из тыквы, и я дала обоим мужчинам по миске супа. Нагваль, по-видимому, не был признателен за еду; он не хотел есть пищу, приготовленную такой слабой женщиной, ссылающейся на свою неуклюжесть, и бросил миску со стола взмахом руки. Но миска, вместо того, чтобы перевернуться и вылить содержимое на пол, силой Нагваля соскользнула и упала на мою ногу, не пролив ни капли. Миска действительно приземлилась на мою ногу и стояла там, пока я не

наклонилась и не подняла ее. Я поставила ее на стол перед ним и сказала ему, что я слабая женщина и всегда боялась его, моя пища имеет добрые чувства.

С этого самого момента Нагваль изменился по отношению ко мне. Тот факт, что миска супа упала на мою ногу и не разлилась, показал ему, что сила укула на меня. Я не знала этого тогда и думала, что он изменился по отношению ко мне потому, что ему было стыдно за отказ от моей пищи. Я не придавала значения этой перемене. Я все еще боялась его и не могла смотреть ему в глаза. Но он начал все больше и больше обращать на меня внимание. Он даже принес мне подарки: шаль, гребенку, платье и другие вещи. Я пришла в ужас. Я стыдилась, так как думала, что он был мужчиной, который ищет женщину. У Нагваля были юные девушки, чего он хотел от такой старой женщины, как я? Сначала я не хотела носить и даже смотреть на его подарки, но Паблито уговорил меня, и я начала носить их. Кроме того, я стала еще больше бояться его и не хотела оставаться наедине с ним. Я знала, что он был дьявольским мужчиной. Я знала, что он сделал со своей женщиной.

Я ощутил необходимость перебить ее. Я сказал ей, что никогда не знал ни о какой женщине в жизни дон Хуана.

Ты знаешь, кого я имею в виду, – сказала она.

– Поверь мне, донья Соледад, я не знаю.

– Не говори мне этого. Ты знаешь, что я говорю о ла Горде.

Единственная «ла Горда», которую я знал, была сестра Паблито, чрезвычайно тучная девушка, по прозвищу Горда-толстуха. Я чувствовал, хотя об этом не говорил, что она на самом деле не была дочерью доньи Соледад. Я не хотел нажимать на нее для получения дальнейшей информации. Я внезапно вспомнил, что эта толстая девушка внезапно исчезла из дому и никто не мог или не осмеливался сказать мне, что случилось с ней.

– Однажды я была одна перед домом, – продолжала донья Соледад. – я расчесывала свои волосы гребнем, который дал мне Нагваль; я не догадывалась, что он прибыл и стоит позади меня. Внезапно я ощутила, что его руки охватили меня около подбородка. Я услышала, как он мягко сказал, что я не должна двигаться, иначе моя шея может сломаться. Он повернул мою голову налево. Не совсем, а немного. Я очень испугалась и завизжала и попыталась освободиться от его хватки, но он держал мою голову твердо долгое, долгое время.

Когда он отпустил мой подбородок, я потеряла сознание. Я не помню, что случилось потом. Когда я пришла в себя, я лежала на земле, прямо там, где я сидела. Нагваль уже ушел. Мне не было так стыдно, что я не хотела никого видеть, особенно ла Горду. Долгое время я даже думала, что Нагваль никогда не поворачивал мою шею и что у меня был кошмар.

Она остановилась. Я ожидал объяснения того, что случилось. Она казалась отсутствующей, может быть, задумчивой.

– Что на самом деле случилось, донья Соледад? – спросил я, не сумев сдержать себя. – он действительно что-то сделал с тобой?

– Да, он повернул мою шею, чтобы изменить направление моих глаз, – сказала она и громко засмеялась, увидев мое удивление.

– Я имею в виду, не сделал ли он?..

– Да, он изменил мое направление, – продолжала она, не обращая внимания на мои расспросы. Он сделал это тебе и всем остальным.

– Правильно, он сделал это со мной. Но почему ты думаешь, что он сделал это?

– Он должен был. Это самая важная вещь, которую надо сделать.

Она имела в виду своеобразное действие, которое дон Хуан считал абсолютно необходимым. Я никогда ни с кем не говорил об этом. Фактически, я почти забыл о нем. В начале моего ученичества он однажды развел два небольших костра в горах северной Мексики.

Они были, наверное, разделены двадцатью футами. Он велел мне стать на том же расстоянии двадцати футов от них, удерживая свое тело и особенно голову в самом расслабленном и естественном положении. Затем он велел мне стать лицом к одному огню, и зайдя сзади, повернул шею налево и расположил мои глаза, но не мои плечи, по направлению второго огня. Он удерживал мою голову в этом положении в течении нескольких часов, пока огонь не погас. Новое направление было юго-восточным, точнее, он расположил второй огонь в юго-восточном направлении. Я понял все это дело, как одно из загадочных чудачеств дона Хуана, один из его ничего не значащих ритуалов.

– Нагваль сказал мне, что все мы развиваем на протяжении своей жизни одно направление для смотрения, – продолжала она. – это становится направлением глаз духа. С течением лет это направление чрезмерно используется и становится слабым и непривлекательным, а так как мы привязаны к этому особому направлению, мы сами становимся слабыми и непривлекательными. В тот день, когда Нагваль повернул мне шею и держал ее, пока я не упала в обморок от страха, он дал мне новое направление.

– Какое направление он дал тебе?

– Почему ты спрашиваешь это? – сказала она с чрезмерной силой. – ты думаешь, что может быть Нагваль дал мне не сходное направление?

– Я могу сказать тебе, какое направление он дал мне, – сказал я.

– Не надо, – отрезала она. – он сказал мне это сам.

Она казалась возбужденной. Она изменила положение и легла на живот. У меня спина заболела от писания. Я спросил ее, могу ли я сесть на пол и использовать кровать в качестве стола. Она встала и вручила мне сложенное покрывало для использования в качестве подкладки.

– Что еще Нагваль сделал с тобой? – спросил я.

– После изменения моего направления Нагваль по-настоящему стал беседовать со мной о силе, – сказала она, ложась снова. – сначала он говорил об этих вещах от случая к случаю, т.к. он не знал точно, что со мной делать. Однажды он взял меня на короткую прогулку в горы. В другой раз он повез меня на автобусе в свои родные края в пустыню. Мало-помалу я стала привыкать уходить с ним.

– Он когда-нибудь давал тебе растения силы?

– Он однажды дал мне мескалито, когда мы были в пустыне. Но так как я была пустая женщина, мескалито не принял меня. У меня была с ним ужасная встреча. Именно тогда Нагваль понял, что он должен вместо этого познакомить меня с ветром. Это было, конечно, после того, как он получил знак. Он снова и снова повторял в тот день, что хотя он был магом, который научился видеть, если он получил знак, у него нет способа знать, каким путем надо идти. Он уже ожидал несколько дней определенного указания относительно меня. Но сила не хотела дать его. Будучи в безвыходном положении, я думаю, он привел меня к своему гуахе, и я увидела мескалито.

Я перебил ее. Ее употребление слова «гуахе», тыква, привело меня в замешательство. Рассматриваемое в контексте того, что она мне сказала, это слово не имело смысла. Я подумал, что по-видимому, она говорит метафорически или что тыква была эвфемизмом.

– Что такое гуахе, донья Соледад?

В ее глазах появилось удивление. Она сделала паузу, прежде чем ответить.

– Мескалито – гуахе Нагваля, – наконец сказала она.

Но ответ привел меня в еще большее замешательство. Я был удивлен тем, что она, кажется, на самом деле пыталась объяснить мне смысл. Когда я попросил ее дальнейших объяснений, она настаивала на том, что я все знаю сам. Это было излюбленным приемом дона Хуана, чтобы пресечь мои расспросы. Я сказал ей, что дон Хуан говорил мне, что мескалито был божеством,

или силой, содержащейся в батонах пейота. Говорить, что мескалито был его тыквой, было абсолютно бессмысленно.

– Нагваль мог познакомить тебя с чем угодно посредством своей тыквы, – сказала она после паузы. – это ключ к его силе. Любой может дать тебе пейот, но только маг, благодаря своей тыкве, может познакомить тебя с мескалитом.

Она перестала говорить и уставилась на меня. Ее взгляд был свирепым.

– Почему ты заставляешь повторять то, что уже знаешь? – спросила она сердито.

Я был совершенно захвачен врасплох ее внезапной переменой. Прямо перед этим она была почти мягкой.

– Не обращай внимания на изменения моего настроения, – сказала она снова улыбаясь. – я северный ветер. Я очень нетерпима. Всю свою жизнь я не осмеливалась говорить то, что думаю. Теперь я не боюсь никого. Я говорю то, что ощущаю. Чтобы противостоять мне, ты должен быть сильным.

Она подползла ближе ко мне на животе.

– Итак, Нагваль познакомил меня с мескалитом, который вышел из его тыквы, – продолжала она. – однако он не мог предполагать, что могло случиться со мной. Он ожидал нечто вроде твоей собственной встречи элихио с мескалитом. В обоих случаях он был в затруднении и предоставлял своей тыкве решать, что делать дальше. В обоих случаях его тыква помогала ему. Со мной было иначе. Мескалит не сказал ему ничего, чтобы вывести меня куда-то: Нагваль и я покинули это место с большой поспешностью. Вместо того, чтобы вернуться домой, мы поехали на север. Мы сели на автобус, идущий в Мехикали, но вышли среди пустыни. Было уже очень поздно. Солнце садилось за горы. Нагваль хотел перейти дорогу и идти к югу пешком. Мы ожидали, пока проедут какие-то быстро мчавшиеся машины, как вдруг он похлопал меня по плечу и указал на дорогу перед нами. Я увидела спираль пыли. Порыв ветра вздымал пыль в стороне дороги. Мы наблюдали как она движется к нам. Нагваль перебежал через дорогу, и ветер окутал меня. Он действительно заставил меня очень легко кружиться, а потом он исчез. Это был знак, которого ожидал Нагваль. С тех пор мы ходили в горы или в пустыню, чтобы искать ветер. Ветер сначала не любил меня, потому что это было мое старое я. Поэтому Нагваль постарался изменить меня. Я уже видела его в тот день, как он кружился в кустах, но на этот раз он появился надо мной и остановился. Он ощущался как птица, которая очутилась на моем животе. Нагваль велел мне снять все мои одежды; я была совершенно голая, но мне не было холодно, так как ветер согревал меня.

– Ты боялась, донья Соледад?

– Боялась? Я оцепенела. Ветер был живой, он облизывал меня с головы до моих пяток. А затем он вошел внутрь моего тела. Я была подобна воздушному шару, и ветер выходил из моих ушей и моего рта и других мест, которые я не хочу упоминать. Я думала, что нахожусь на пороге умирания, и я бы удрала, если бы Нагваль не прижал меня к скале. Он говорил мне на ухо и успокаивал меня. Я спокойно легла и позволила ветру делать со мной все, что угодно. Именно тогда он сказал мне, что делать.

– Что делать с чем?

– С моей жизнью, моими вещами, моей комнатой, моими ощущениями. Сначала это было неясно. Я думала, что это мои мысли. Нагваль сказал, что все мы делали это. Однако, когда мы спокойны, мы понимаем, что есть нечто еще, говорящее нам разные вещи.

– Ты слышала голос?

– Нет. Ветер движется внутри тела женщины. Нагваль говорит, что это потому, что женщины имеют матку. Когда ветер находится внутри матки, он просто учит тебя и говорит тебе делать разные вещи. Чем более спокойна и расслаблена женщина, тем лучше результаты. Ты

можешь сказать, что внезапно женщина оказывается делающей вещи, которые раньше она не представляла, как делать.

С того момента ветер приходил ко мне все время. Он говорил мне в моей матке и рассказывал все, что я хотела знать. Нагваль видел с самого начала, что я была северным ветром. Другие ветры никогда не разговаривали со мной, как он, хотя я научилась различать их.

– Сколько есть разновидностей ветров? – есть четыре ветра, подобно тому, как есть четыре направления. Это конечно относится к магам и к тому, что маги делают. Четыре является числом силы для них. Первый ветер – бриз, утренний ветер. Он приносит надежду и радость: он является вестником дня. Он приходит и уходит и входит во все. Иногда он мягкий и незаметный; в другое время он надоедливый и докучливый.

Другой ветер – суровый ветер, холодный или горячий, либо то и другое вместе. Это полуденный ветер. Губительный, полный энергии, но полный также безрассудства. Он вламывается в двери и рушит стены. Маг должен быть ужасно сильным, чтобы справиться с этим суровым ветром.

Затем есть холодный послеполуденный ветер. Унылый и утомительный, который ни за что не оставит тебя в покое. Он будет приводить тебя в уныние и заставит тебя плакать. Однако Нагваль сказал, что в этом такая глубина, что она заслуживает особого внимания, чтобы искать ее.

И наконец, есть горячий ветер. Он согревает и защищает и окутывает все. Это ночной ветер магов. Его сила приходит вместе с темнотой.

Таковы четыре ветра. Они также связаны с четырьмя направлениями. Бриз – это восток. Холодный ветер – запад. Горячий – юг. Суровый ветер – север.

Четыре ветра имеют также личности. Бриз – игривый, вкрадчивый и переменчивый. Холодный ветер – угрюмый, тоскливый и всегда печальный. Горячий ветер – довольный, безудержный и хвастливый. Суровый ветер – энергичный, властный и нетерпеливый.

Нагваль сказал мне, что четыре ветра являются женщинами. Именно поэтому женщины-воины ищут их. Ветры и женщины родственны друг другу. Это также причина того, что женщины лучше, чем мужчины. Я сказала бы, что женщины учатся быстрее, если они верны своему специфическому ветру.

– Как может женщина узнать, какой ветер является ее специфическим?

– Если женщина успокоилась и не разговаривает сама с собой, ее ветер научит ее, какой это ветер.

Она сделала охватывающий жест.

– Должна ли она лежать обнаженной?

– Это помогает. Особенно, если она застенчивая. Я была толстой старой женщиной. Я никогда в жизни не снимала свои одежды. Я спала в них и купалась всегда накрывшись. Для меня показать свое жирное тело ветру было смерти подобно. Нагваль знал это и шутил над этим всюду. Он знал о дружбе женщин с ветром, однако он привел меня к мескалито, т.к. был введен в заблуждение мною.

После того, как Нагваль повернул мою голову в тот первый ужасный день, он почувствовал ответственность за меня. Он говорил мне, что не имел никакого понятия, что со мной делать. Одно было для него несомненно – ему не нужна была толстая старая женщина, шныряющая вокруг его мира. Нагваль сказал, что он находился со мной в таком же положении, как и с тобой. Он был в растерянности. Оба мы не должны быть здесь. Ты не индеец, а я старая корова. Мы оба бесполезны. Что-то должно было измениться.

Женщина, конечно, гораздо податливее мужчины. Женщина изменяется очень легко под воздействием силы мага. Особенно силы такого мага, как Нагваль. Ученик-мужчина, согласно

Нагвалю, крайне упрямый. Например, ты сам не изменился так сильно, как ла Горда, а она вступила на свой путь ученичества после тебя. Женщина мягче и более послушна, а сверх всего, женщина подобна тыкве: она воспринимает. Но так или иначе, мужчина имеет в своем распоряжении больше силы. Впрочем, Нагваль никогда не соглашался с этим. Он также считал, что я ощущала, что мужчины лучше только потому, что я пустая женщина. Он, должно быть, был прав. Я была пустой так долго, что я не могу вспомнить, как ощущать, будучи полной. Нагваль сказал, что если я когда-нибудь стану полной, мои ощущения на этот счет изменятся. Однако, если бы он был прав, то его Горда сделала бы также хорошо, как Горда, а, как ты знаешь, это не так.

Я не мог следить за течением ее повествования, т.к. она подразумевала, что я знаю, что она имеет в виду. В данном случае я не имел никакого понятия о том, что сделали элихио или ла Горда.

– Чем ла Горда отличалась от элихио?

Она на миг взглянула на меня, как бы оценивая что-то во мне. Затем она села, подтянув колени к груди.

– Нагваль рассказал мне все, – сказала она, оживившись, – Нагваль не имел секретов от меня. Элихио был самым лучшим, поэтому его теперь нет в мире. Он не вернулся. Фактически, он был таким безупречным, что ему не было необходимости прыгать с обрыва, когда его ученичество было закончено. Он был подобен Хенаро; в один день, когда он работал в поле, что-то пришло и забрало его отсюда.

У меня возникло желание спросить ее, действительно ли я прыгал с обрыва в пропасть. Я некоторое время колебался, прежде чем задать свой вопрос. В конце концов я приехал увидеть Паблито и Нестора, чтобы задать им этот вопрос. Любая информация, которую я мог получить на эту тему от любого человека, вовлеченного в мир дона Хуана, была действительно полезна для меня.

Она засмеялась на мой вопрос, как я и предвидел.

– Ты имеешь в виду, что не знаешь, что ты сам делал? – спросила она.

– Это слишком необычно, чтобы быть реальным, – сказал я.

– Это, несомненно, мир Нагваля. Ни одна вещь в нем не является реальной. Но тем не менее ученики-мужчины должны прыгнуть. Если они не являются такими поистине замечательными, как элихио.

Нагваль взял нас, меня и ла Горда, на ту гору и велел нам смотреть вниз на ее подножие. Там он показал нам вид летающего Нагваля, каким он был. Но только ла Горда могла следовать за ним. Она тоже хотела прыгнуть в пропасть. Нагваль сказал ей, что это бесполезно. Он сказал, что женщины-воины должны делать вещи более трудные и болезненные, чем это. Он сказал нам также, что прыжок был предназначен только для вас четверых. Так оно и случилось, вы четверо прыгнули.

Она сказала, что мы четверо прыгнули, но я знал только, что это сделали Паблито и я. В свете ее утверждений я сделал вывод, что за нами, должно быть, последовали дон Хуан и дон Хенаро. Это не показалось мне странным, это было довольно приятно и трогательно.

– О чем ты говоришь? – спросила она, когда я высказал вслух свои мысли. – я имела ввиду тебя и трех учеников Хенаро. Ты, Паблито и Нестор прыгнули в один и тот же день.

– А кто третий ученик Хенаро? Я знаю только Паблито и Нестора.

– Ты хочешь сказать, что Бениньо не был учеником Хенаро?

– Нет, не знаю.

– Он был самым старым учеником Хенаро. Он прыгнул до того, как это сделал ты, и он прыгнул сам.

Бениньо был одним из пяти индейских юношей, которых я однажды встретил, когда однажды бродил с доном Хуаном в Сокорской пустыне. Они искали предметы силы. Дон Хуан сказал мне, что все они были учениками магии. Я завязал особую дружбу с Бениньо за те несколько раз, когда я видел его после того дня. Он был из южной мексикки. Он мне очень нравился. По какой-то неизвестной причине, он, по-видимому, наслаждался, создавая дразнящую тайну вокруг своей личности. Я никогда не мог выяснить, чем он был или что он делал. Каждый раз, когда я разговаривал с ним, он сбивал с толку обезоруживающей прямоотой, с которой он отклонял мои расспросы. Однажды дон Хуан по своему почину дал некоторую информацию о Бениньо и сказал, что он был очень удачлив, найдя учителя и бенефактора. Я принял утверждения дон Хуана как случайное замечание, которое ничего особенного не означало. Донья Соледад прояснила мне загадку 10-летней давности.

– Как ты думаешь, почему дон Хуан никогда не говорил мне ничего о Бениньо?

– Кто знает? Должно быть у него была причина. Нагваль никогда ничего не делал необдуманно.

Я должен был откинуть свою ноющую спину к ее постели, прежде чем продолжать писание.

– Что случилось с Бениньо?

С ним все в порядке. По-видимому, его положение лучше, чем у кого бы то ни было другого. Ты увидишь его. Он вместе с Паблито и Нестором. Сейчас они неразлучны. На них печать Хенаро. То же самое случилось с девочками; они неразлучны, так как на них печать Нагваля.

Я должен был ее перебить снова и попросить объяснить, о каких девочках она говорит.

– О моих девочках, – сказала она.

– О твоих дочерях? Я имел в виду – о сестрах Паблито?

– Они не сестры Паблито. Они ученицы Нагваля.

Ее сообщение шокировало меня. С тех пор, как я встретил Паблито несколько лет тому назад, я был склонен верить, что четыре девушки, которые жили в его доме, были его сестрами. Дон Хуан сам говорил мне это. У меня был внезапный рецидив ощущения отчаяния, которое я испытывал всю вторую половину дня. Донья Соледад не следовало верить, она подстраивала какую-то каверзу. Я был убежден, что дон Хуан не мог ни при каких условиях так грубо обмануть меня. Донья Соледад изучала меня с явным любопытством.

– Ветер только что сказал мне, что ты не веришь в то, что я сказала тебе, – сказала она и засмеялась.

– Ветер прав, – сказал я сухо.

– Девочки, которых ты видел на протяжении ряда лет, принадлежат Нагвалю. Они были его ученицами. Теперь, когда Нагваль ушел, они являются самим Нагвалем. Но они также являются моими девочками. Моими!

Ты имеешь в виду, что ты не являешься матерью Паблито и они в действительности являются твоими дочерьми?

– Я имею в виду, что они мои. Нагваль дал мне их на хранение. Ты всегда ошибаешься, так как полагаешься на слова, чтобы объяснить все. Так как я мать Паблито, и ты слышал, что они мои девочки, ты сделал вывод, что они должны быть братом и сестрами. Девочки являются моими настоящими детьми. Паблито, хотя и является ребенком, вышедшим из моей утробы, – мой смертельный враг.

Моя реакция на ее утверждения была смесью отвращения и гнева. Я подумал, что она не только ненормальная, но и опасная женщина. Так или иначе, часть меня знала это с самого момента моего прибытия сюда.

Она долго наблюдала за мной. Чтобы не глядеть на нее, я снова сел на покрывало.

– Нагваль предупреждал меня о твоих причудах, – сказала она внезапно, но я не могла

понять, что он имеет в виду. Теперь я понимаю. Он говорил мне, чтобы я была осторожной и не сердила тебя, так как ты отчаянный. Я извиняюсь, что не была такой осторожной, какой должна была быть. Он так же сказал, что когда ты пишешь, ты игнорируешь это и даже не ощущаешь этого. Я не беспокоила тебя на счет этого. Затем он сказал мне, что ты недоверчив, так как слова запутывают тебя. Я и тут не беспокоила тебя. Я заговорила до умопомрачения, пытаюсь не запутать тебя.

В ее тоне было молчаливое обвинение. Я чувствовал себя сбитым с толку и раздосадованным.

В это, что ты говоришь трудно поверить, – сказал я. – либо ты, либо дон Хуан ужасно обманули меня.

– Никто из нас не обманывал. Ты понимаешь только то, что ты хочешь понять. Нагваль сказал, что это обусловлено твоей пустотой. Девочки – дети Нагваля, подобно тому, как ты и Элихио – его дети. Он сделал шесть детей, четырех женщин и двух мужчин. Хенаро сделал трех мужчин. Всего получается девять. Один из них, Элихио, уже сделал это, так что теперь вас осталось восемь пытающихся...

– Куда ушел Элихио?

– Он ушел, чтобы присоединиться к Нагвалю и Хенаро.

– А куда они ушли?

– Ты знаешь, куда они ушли. Ты сейчас дурачишь меня, не так ли?

– Но это главное, донья Соледад, я не дурачу тебя.

– Тогда я скажу тебе. Я не могу ни в чем отказать тебе. Нагваль и Хенаро ушли обратно в то самое место, из которого они пришли в другой мир. Когда пришло их время, они просто вступили во тьму, а так как они не собирались возвращаться обратно, то тьма ночи поглотила их.

Я чувствовал, что было бесполезно расспрашивать ее дальше. Я собрался сменить тему, но она заговорила первая.

– Ты схватил проблеск другого мира, когда прыгнул, – продолжала она. – но, наверное, прыжок привел тебя в замешательство. Очень плохо. С этим ничего не поделаешь. Это твоя судьба – быть мужчиной. Женщины лучше мужчин в этом смысле. Им не нужно прыгать в пропасть. Женщины имеют свои собственные пути. Они имеют свою собственную пропасть. Женщины менструируют. Нагваль говорил мне, что это является дверью для них. В течение своего женского периода они становятся чем-то еще. Я знаю, что это было время, когда он учил моих девочек. Мне уже было слишком поздно; я уже слишком стара, поэтому я на самом деле не знаю, как выглядит эта дверь. Однако, Нагваль настаивал на том, чтобы девочки уделяли внимание всему, что происходит с ними в течение этого времени. Он обычно брал их в течение этих дней в горы и оставался там с ними до тех пор, пока они не видели трещину между мирами.

Так как Нагваль не колебался и не боялся делать любые вещи, он безжалостно нажимал на них, чтобы они сами смогли обнаружить, что в женщинах есть трещина, которую они очень хорошо маскируют. В течение этого периода, независимо от того, как бы хорошо не была сделана маскировка, она спадает, и женщины становятся разоблаченными. Нагваль оказывал нажим на моих девочек до полусмерти, чтобы открыть эту трещину. Они сделали это. Он заставил их сделать это, но это потребовало от них несколько лет.

– Как они стали ученицами?

– Лидия была его первой ученицей. Он нашел ее однажды утром, когда остановился в одной разрушенной хижине в горах. Нагваль говорил мне, что там не было никого видно, и тем не менее были знаки, звавшие его в этот дом с раннего утра. Бриз причинял ему большое беспокойство. Он сказал, что он даже не мог открыть свои глаза всякий раз, когда он пытался удалиться от этого места. Поэтому, когда он нашел дом, он знал, что там что-то было. Он

посмотрел под кучу соломы и хвороста и нашел девочку. Она была очень больная. Она едва могла говорить, но тем не менее она сказала ему, что не нуждается ни в чьей помощи. Она собиралась продолжать спать, и если она больше не проснулась бы, никто бы ничего от этого не потерял. Нагвалю понравился ее дух и он заговорил с ней на ее языке. Он сказал, что он собирается вылечить ее и заботится о ней до тех пор, пока она не будет сильной снова. Она отказалась. Она была индианкой, которая знала только огорчения и страдания. Она сказала Нагвалю, что она уже принимала все лекарства, которые ее родители дали ей, но ничто не помогло.

Чем больше она говорила, тем больше Нагваль понимал, что знак указал на нее самым своеобразным способом. Знак больше был похож на команду.

Нагваль поднял девушку и положил на свои плечи, как ребенка, а потом отнес ее к Хенаро. Хенаро приготовил лекарство для нее. Она больше не могла открыть глаза. Ее веки слиплись. Они были припухшими и на них был желтоватый налет. Они гноились. Нагваль ухаживал за ней, пока ей не стало хорошо. Он нанял меня смотреть за ней и готовить ей еду. Я помогала ей поправиться с помощью моей пищи. Она – мой первый ребенок. Когда она поправилась, а на это потребовался почти год, Нагваль захотел вернуть ее к ее родителям, но девушка отказалась уйти и осталась с ним.

Спустя короткое время после того, как он нашел Лидию, и в то время, когда она еще была слабой и находилась на моем попечении, Нагваль нашел тебя. Тебя привел к нему один человек, которого он никогда раньше не видел. Нагваль видел, что смерть этого человека витает над его головой, и ему показалось очень странным, что этот человек указывает ему на тебя в такое время. Ты заставил Нагваля смеяться, и он немедленно устроил тебе испытание. Он не взял тебя, он сказал тебе, чтобы ты пришел и нашел его. Он испытывал тебя всегда так, как он не испытывал никого другого. Он сказал, что это был твой путь.

В течение трех лет он имел только двух учеников – Лидию и тебя. Затем однажды, когда он был в гостях у своего друга Виснете, исцелителя с севера, какие-то люди привели помешанную девочку, которая не делала ничего, кроме как кричала. Эти люди приняли Нагваля за Виснете и положили девочку ему в руки. Нагваль сказал мне, что девочка побежала к нему и ухватилась за него, как будто она знала его. Нагваль сказал ее родителям, что они должны оставить ее с ним. Они беспокоились о плате, но Нагваль заверил их, что это будет бесплатно. Я полагаю, что девочка так осточертела им, что они не знали, как от нее избавиться.

Нагваль привел ее ко мне. Это был суцый ад. Она и вправду была помешанной. Это была Жозефина. Нагвалю потребовалось несколько лет, чтобы вылечить ее. Но даже и по сей день она глупее бревна. Она, конечно, помешалась на Нагвале, и на этой почве была ужасная борьба между Лидией и Жозефиной. Они ненавидели друг друга. Но я любила их обеих. Но Нагваль, когда увидел, что они не могут ладить, стал очень твердым с ними. Как ты знаешь, Нагваль может вывести из себя кого угодно. Поэтому он напугал их до полусмерти. В один день Лидия не выдержала и ушла. Она решила найти себе молодого мужа. На дороге она нашла крошечного цыпленка. Он только что вылупился и потерялся среди дороги. Лидия подобрала его, а так как она была в пустынной местности, и вокруг не было никаких домов, она решила, что цыпленок ничей. Она засунула его за свою блузку и поместила между грудей, чтобы согреть его. Лидия рассказала мне, что она бежала, и в результате маленький цыпленок начал перемещаться набок. Она попыталась вернуть его обратно вперед, но не могла поймать его. Цыпленок очень быстро бегал вокруг по ее бокам и спине внутри блузы. Ноги цыпленка сначала щекотали ее, а потом довели до помешательства. Когда она осознала, что не может вытащить его, она вернулась обратно ко мне, вопя без памяти, и попросила меня вытащить проклятое создание из ее блузы. Я раздела ее, но это оказалось бесполезно. Там не было никакого цыпленка, и тем не менее она

продолжала ощущать, как его ноги бегают по ее коже.

Нагваль тогда перехитрил ее и сказал ей, что только когда она отпустит свое старое «я», бег цыпленка прекратится. Лидия была помешанной три дня и три ночи. Нагваль велел мне связать ее. Я кормила ее, чистила и давала ей воду. На четвертый день она стала очень мирной и тихой. Я развязала ее, и она стала одевать свои одежды, и когда она оделась так, как была одета в тот день, когда убежала, маленький цыпленок вышел. Она взяла его в руки, целовала и благодарила его и вернула его в то место, где она нашла его. Я провожала ее часть пути.

С того времени Лидия никогда никого не беспокоила. Она приняла свою судьбу. Ее судьба – Нагваль, без него она уже умерла бы. Так что какой смысл был пытаться отвергать или изменять вещи, которые можно только принимать?

Затем сбежала Жозефина. Она уже была напугана тем, что случилось с Лидией, но вскоре забыла об этом. Однажды в воскресенье, во второй половине дня, когда она шла за дом, сухой лист зацепился за нити ее шали. Ее шаль была соткана рыхло. Она попыталась вытащить листик, но боялась испортить шаль. Поэтому, когда она вошла в дом, то немедленно попыталась высвободить его, но это не получилось, т.к. он застрял. Жозефина в порыве гнева стиснула шаль и лист и раскрошила его рукой. Она подумала, что маленькие кусочки легче будет вытащить. Я услышала иступленный вопль, и Жозефина упала на землю. Я подошла к ней и обнаружила, что она не может открыть руку. Лист изрезал ее руку, словно кусочками бритвенных лезвий. Лидия и я помогали ей и нянчились с ней семь дней. Жозефина была упрямей, чем кто бы то ни было. Она почти умирала. В конце концов она сумела раскрыть свою руку, но только после того, как она в своем уме решила оставить свои старые пути. У нее все еще бывают боли в теле, особенно в руке, из-за плохого настроения, которое все еще возвращается к ней. Нагваль сказал им обоим, что они не должны полагаться на свою победу, так как каждый из нас всю свою жизнь ведет борьбу против своих старых «я».

Лидия и Жозефина никогда не боролись снова. Я не думаю, что они любят друг друга, но они, безусловно, ладят. Я люблю этих двух больше всего. Они были со мной все эти годы. Я знаю, что они любят меня тоже.

– Как насчет двух других девушек?

– Годом позже пришла елена, она и есть ла Горда. Она была в гораздо худшем состоянии, чем ты можешь себе вообразить. Она весила 220 фунтов. Она была доведенной до отчаяния. Паблито дал ей приют в своей лавке. Она занималась стиркой и утюжкой, чтобы содержать себя. Нагваль пришел однажды ночью к Паблито и заметил работавшую толстую девушку, над которой летал круг мотыльков. Он говорил, что мотыльки образовывали совершенный круг, какой он мог только наблюдать. Он видел, что женщина была близка к концу своей жизни, однако мотыльки давали ему несомненный знак. Нагваль действовал быстро и взял ее с собой.

Она была хорошей некоторое время, но дурные привычки, которые она усвоила, были слишком глубоко укоренившимися, и она не могла отказаться от них. Поэтому однажды Нагваль послал ветер помочь ей. Вопрос был в том, чтобы помочь ей, либо прикончить ее. Ветер начал дуть на нее, пока он не вывел ее из дома, в тот день она была одна и никто не видел, что происходило. Ветер толкал ее в холмы и ущелья, пока она не упала в ров, яму в земле вроде могилы. Ветер держал ее там несколько дней. Когда Нагваль наконец нашел ее там, она сумела остановить ветер, но была слишком слаба, чтобы идти.

– Как девушкам удавалось остановить то, что действовало на них?

– Ну, в первую очередь, то, что действовало на них, была тыква-горлянка, которую Нагваль носил привязанной к своему поясу.

– А что было в горлянке?

– Олли, которых Нагваль носит с собой. Он говорил, что олли выходят через его горлянку.

Не спрашивай больше меня, так как я больше ничего не знаю об олли. Все, что я могу сказать тебе, это то, что Нагваль распоряжается двумя олли и заставляет их помогать ему. В случае моих девочек олли возвращается назад, когда они были готовы измениться либо умереть. Но этот случай произошел со всеми ними тем или иным путем. И ла Горда изменилась больше, чем кто-либо еще.

Она была пустой, в действительности более пустой, чем я, но она обработала свой дух, пока она не стала самой силой. Я не люблю ее. Я боюсь ее. Она знает меня. Она проникает в меня и мои ощущения, и это тревожит меня. Но никто не может с ней ничего сделать, потому что она никогда не теряет бдительности. Она ненавидит меня, но она думает, что я злая женщина. Может быть она права. Я думаю, что она знает меня достаточно хорошо, и я не такая неуязвимая, какой я хотела бы быть, но Нагваль советовал мне не беспокоиться о моих ощущениях относительно ее. Она подобна элихио, мир более не затрагивает ее.

– Что особого Нагваль сделал с ней?

– Он учил ее вещам, которым он не учил больше никого. Он никогда не баловал ее или что-нибудь в этом роде. Он доверял ей, она знает все обо всех. Нагваль также рассказал мне обо всем, за исключением вещей, касающихся ее. Может быть, это потому, что я не люблю ее. Нагваль велел ей быть моим надзирателем. Куда бы я не пошла, я нахожу ее. Она знает все, что делаю я. Например, я не удивлюсь, если она появится прямо сейчас.

– Ты думаешь, она может появиться?

– Сомневаюсь. Сегодня вечером ветер со мной...

– Как ты считаешь, что она должна делать? Имеет она какое-то специальное задание?

– Я уже сказала тебе достаточно о ней. Я боюсь, что если я буду продолжать разговор о ней, она заметит оттуда, где она находится, а я не хочу, чтобы это случилось.

– Тогда расскажи мне о других.

– Некоторое время спустя после того, как он нашел ла Горду.

Нагваль нашел элихио. Он рассказывал мне, что прибыл с тобой в свои родные места. Элихио пришел посмотреть на тебя, так как ты возбудил его любопытство. Нагваль не обратил внимания на него. Он знал его с детских лет. Но однажды утром, когда Нагваль шел к дому, где ты ожидал его, он столкнулся с элихио на дороге. Они прошли вместе небольшое расстояние, а потом сухой кусок чольи упал на верх левого башмака элихио. Он попытался отшвырнуть его, но ее колючки были словно когти, они глубоко вонзились в подошву башмака. Нагваль сказал, чтобы элихио ткнул своим пальцем в небо и встряхнул своей ногой, и чолья сорвалась, словно пуля, и взвилась в воздух. Элихио подумал, что это была хорошая шутка и рассмеялся, но Нагваль понял, что он имеет силу, хотя сам элихио не подозревал об этом. Вот почему он без всяких помех стал совершенным неуязвимым воином.

Моей удачей было то, что я была знакома с ним. Нагваль думал, что мы были с ним сходны в одном отношении. Однажды мы за что-то ухватываемся и не отпускаем этого. Счастливый случай знать элихио был удачей, которую я не делила ни с кем другим, даже с ла Гордой. Она встретила элихио, но фактически так и не узнала его, также, как и ты сам. Нагваль знал с самого начала, что элихио был исключительным, и он изолировал его. Он знал, что ты и девочки были на одной стороне монеты, а элихио – сам по себе – на другой стороне. Нагваль и Хенаро фактически очень повезло, что они нашли его.

Я впервые встретила с ним, когда Нагваль привел его в мой дом. Элихио не ладил с моими девочками. Они ненавидели его, а также боялись его. Но он был совершенно индифферентными. Мир не трогал его. Нагваль не хотел, чтобы, в частности, ты часто имел дело с элихио. Нагваль сказал, что представляешь собой род мага, от которого надо держаться в стороне. Он сказал, что твое касание не умиротворяет, а наоборот, причиняет вред. Он сказал

мне, что твой дух берет в плен. Ты был каким-то образом противен ему и в то же время он любил тебя. Он сказал, что ты был более помешан, чем Жозефина, когда он нашел тебя, и что ты все еще помешанный.

Было беспокоящее ощущение в том, чтобы слышать, как кто-то другой говорит мне, что дон Хуан думал обо мне. Сначала я пытался игнорировать то, что говорила донья Соледад, но затем я ощутил, что это была крайне дурацкая неуместная попытка защищать свое эго.

– Он возился с тобой, – продолжала она, – потому что сила приказывала ему делать это. И он, будучи неуязвимым воином, каким он был, подчинился своему хозяину и охотно делал то, что сила велела ему делать с тобой.

Наступила пауза. Мне не терпелось спросить ее еще об ощущениях дона Хуана относительно меня. Вместо этого я попросил ее рассказать мне о ее другой девочке.

– Месяц спустя после того, как он нашел элихию, Нагваль нашел Розу, – сказала она. – Роза была последней. Найдя ее, он знал, что его число было полным.

– Как он нашел ее?

– Он отправился повидать Бениньо в свои родные края. Он приближался к дому, как вдруг из кустарника со стороны дороги, выбежала Роза, преследуя свинью, которая сорвалась с привязи и убегала. Свинья бежала значительно быстрее Розы. Она столкнулась с Нагвалем и не смогла схватить свинью. Тогда она повернулась к Нагвалю и стала кричать на него. Он сделал жест, как бы хватая ее, а она была готова сражаться с ним. Она набросилась на него и вынудила его поднять на нее руку. Нагваль немедленно полюбил ее дух, но тут не было знака. Нагваль сказал, что он немного подождет, прежде чем уйти, и тут свинья побежала в противоположном направлении и остановилась около него. Это был знак. Роза привязала свинью на веревку. Нагваль прямо спросил, довольна ли она своей работой. Она сказала, что нет. Она была служанкой, живущей у хозяев. Нагваль спросил, не хочет ли она пойти с ним, и она сказала, что если для того, что она предполагает, то она не согласна. Нагваль сказал, что он приглашает ее работать, и она захотела узнать сколько он будет платить. Он назвал ей цифру, и тогда она спросила, какая работа имеется в виду. Нагваль сказал ей, что она будет работать с ним на табачных полях на Велакурсе. Тогда она сказала ему, что она испытывала его, если бы он сказал, что хочет пригласить ее работать горничной, то она знала бы, что он лгун, потому что он выглядит как человек, который никогда в жизни не имел дома.

Нагваль был восхищен ею и сказал ей, что если она хочет вырваться из ловушки, в которой она находится, она должна прийти в дом Бениньо к полудню. Он также сказал ей, что будет ждать не более чем до двенадцати; если она придет, она должна быть готова к трудной жизни и обилию работы. Она спросила его, как далеко находятся табачные поля. Нагваль сказал, что в трех днях езды в автобусе. Роза сказала, что раз это так далеко, она безусловно будет готова ехать, как только отведет свинью обратно в хлев. Так она и сделала. Она приехала сюда, и все полюбили ее. Она никогда не была вредной или надоедливой. Нагваль не был вынужден заставлять ее или хитростью вовлекать во что-нибудь. Она совсем не любит меня и все же заботится обо мне лучше, чем кто-либо другой. Я доверяю ей, и тем не менее я совсем не люблю ее, но когда я уезжаю, я скучаю по ней больше всех. Можешь себе представить это?

Я увидел печальный блеск в ее глазах. Я не мог удержать свои подозрения. Она вытерла свои глаза непреднамеренным движением руки. Тут в разговоре наступил естественный перерыв. К этому времени начало темнеть, и писать было очень трудно; кроме того, мне нужно было сходить в туалет. Она настояла, чтобы я воспользовался уборной во дворе прежде нее, как обычно делал сам Нагваль.

После этого она принесла две круглые бадьи размером с детскую ванночку, наполнила их наполовину теплой водой и добавила немного зеленых листьев, предварительно размяв их

тщательно своими руками. Она предложила мне авторитетным тоном помыться в одной бадье, в то время как она делает то же самое в другой. Вода имела почти благоухающий запах. Она вызывала ощущение щекотки. На лице и руках она давала ощущение слабого ментола.

Мы вернулись в ее комнату. Она положила мои письменные принадлежности, которые я оставил на ее постели, наверх одного из комодов. Окна были открыты и было все еще светло. Должно быть, было около семи часов.

Донья Соледад легла на спину. Она улыбалась мне. Я подумал, что она была воплощением теплоты. Но в то же самое время, несмотря на ее улыбку, ее глаза выдавали ощущение безжалостности и непреклонной силы.

Я спросил ее, как долго она была с доном Хуаном как его женщина или ученица. Она посмеялась над моей осторожностью в наклеивании ярлыка на нее. Ее ответ был – семь лет. Потом она напомнила мне, что я не видел ее в течение пяти лет. До этого момента я был убежден, что я ее видел года два назад. Я попытался вспомнить последнее время, но не смог.

Она сказала мне лечь на постель с ее стороны. Очень мягким голосом она спросила меня, боюсь ли я. Я сказал – нет, что было правдой. В тот момент в ее комнате я столкнулся со своей старой реакцией, которая появлялась бесчисленные разы, как смесь любопытства и губительной индифферентности.

Почти шепотом она сказала, что она должна быть неуязвимой со мной, и сообщила мне, что наша встреча была решающей для нас обоих. Она сказала, что Нагваль дал прямые и детальные приказания что делать. Когда она говорила, я не мог удержаться от смеха, глядя на ее поразительную попытку говорить как дон Хуан. Я прислушался к ее утверждениям и не мог предсказать, что она скажет дальше.

Внезапно она села. Ее лицо было в несколько дюймах от моего, мне были видны е белые зубы, блестящие в полутьме комнаты. Она обвила меня руками и повалила на себя.

Мой ум был очень ясным и все же что-то вело меня глубже и глубже, как в трясину. Я испытывал в себе что-то такое, о чем я не имел понятия. Внезапно я понял, что каким-то образом я все время ощущаю ее ощущения. Она была очень странной. Она загипнотизировала меня словами. Она была холодной старой женщиной. И ее замыслы не были замыслами, идущими от молодости и бодрости, несмотря на ее жизненность и крепость. Я знал тогда, что дон Хуан не поворачивал ее голову в том же направлении, что и мою. Эта мысль была бы нелепой в любом другом контексте; тем не менее в тот момент я принял ее за подлинное прозрение. Ощущение опасности охватило мое тело. Я хотел выбраться из постели. Однако, казалось, меня охватывала необычайная сила, которая удерживала меня и не давала возможности уйти. Я был парализован.

Дон Хуан всегда говорил мне, что нашим большим врагом является то, что мы никогда не верим в то, что случается с нами. В этот момент, когда донья Соледад накинула тряпку, как петлю, вокруг моего горла, я понял, что он имел в виду. Но даже после того как у меня возникла эта интеллектуальная рефлексия, мое тело реагировало. Я оставался вялым, почти индифферентным к тому, что, по-видимому, было моей смертью.

Я ощущал усилие ее рук и плеч, когда она затягивала ленту вокруг моей шеи. Она душила меня с большой силой и ловкостью. Я начал задыхаться. Ее глаза уставились на меня с испуганным блеском. Я знал тогда, что она собирается убить меня.

Дон Хуан говорил, что когда мы, осознаем, что происходит, обычно бывает слишком поздно для того, чтобы повернуть назад. Он утверждал, что это интеллект всегда оставляет нас в дураках, потому что он получает известие первым, но вместо того, чтобы поверить ему и немедленно действовать, он забавляется им и попусту тратит время.

Затем я услышал или, может быть, ощутил щелкающий звук в основании своей шеи, прямо

позади трахеи. Я знал, что она сломала мою шею. У меня в ушах зашумело, а потом зазвенело. Я испытал исключительную ясность слышания. Я подумал, что я, должно быть, умираю. Я ненавидел свою неспособность сделать что-нибудь для своей защиты. Я не мог даже пошевелить ни одним мускулом, чтобы ударить ее. Мое тело задрожало, и внезапно я встал и освободился от ее смертельной хватки. Я посмотрел вниз на постель. Казалось, я смотрел вниз с потолка. Я увидел свое тело, неподвижное и вялое, лежащее на ней. Я увидел ужас в ее глазах. Я захотел, чтобы она отпустила петлю. Меня охватила ярость из-за того, что я был таким бестолковым, и я ударил ее кулаком прямо в лоб. Она пронзительно вскрикнула, схватилась за голову и потеряла сознание, но перед этим передо мной промелькнула призрачная сцена. Я увидел, как донья Соледад была выброшена из постели силой моего удара. Я увидел, как она бежит к стене и прижимается к ней, как испуганный ребенок. Следующее впечатление, которое у меня было, это ужасная трудность дыхания. Моя шея болела. Мое горло казалось так сильно пересохшим, что я не мог глотать. Мне потребовалось много времени, чтобы собрать достаточно сил и подняться. Затем я рассмотрел донью Соледад. Она лежала на постели без сознания. На лбу у нее была большая красная шишка. Я взял воду и брызгал на ее лицо, как всегда со мной поступал дон Хуан. Когда она пришла в себя, я заставил ее пройтись, поддерживая ее за подмышки. Она была мокрая от пота. Я положил ей на лоб полотенце, смоченное холодной водой. Ее вырвало, и я был почти уверен, что она получила сотрясение мозга. Ее трясло. Я попробовал укрыть ее одеждой и одеялами, чтобы она согрелась, но она сбросила все одежды и повернулась лицом к ветру. Она попросила оставить ее одну и сказала, что если бы ветер изменил направление, то это было бы знаком, что она должна выздороветь. Она задержала мою руку в кратком рукопожатии и сказала мне, что это судьба стравивла нас друг с другом.

– Я думаю, что одному из нас было предназначено умереть сегодняшним вечером, – сказала она.

– Не говори глупостей. Ты ведь не убита, – сказал я, и я действительно имел это в виду.

Что-то заставляло меня верить, что с ней было все в порядке. Я вышел из дому, подобрал палку и пошел к своей машине. Пес зарычал. Он все еще был там, свернувшись на сидении. Я велел ему выйти. Он покорно выпрыгнул. В его поведении что-то изменилось. Я увидел, как его огромное тело затрусил в темноте рысью. Он пошел в свой кораль.

Я был свободен. Я сел в машину и немного подумал. Нет, я не был свободен. Что-то толкало меня обратно в дом. У меня там было незаконченное дело. Я больше не боялся доньи Соледад. Действительно, мною овладело необычное беспристрастие. Я ощущал, что она дала мне, намеренно или бессознательно, крайне важный урок. Под ужасным давлением ее попытки убить меня я, фактически, действовал на нее с уровня, который был бы недостижим при нормальных обстоятельствах. Я был почти удушен; что-то в ее проклятой комнате сделало меня беспомощным, и все же я выкарабкался. Я не мог вообразить, что произошло. По-видимому, как всегда утверждал дон Хуан, дело было в том, что мы имеем дополнительный потенциал, нечто, что находится в нас, но редко используется. Я действительно ударил ее, находясь в позиции фантома.

Я взял из машины свой фонарик, вернулся в дом, зажег все керосиновые лампы, которые я смог найти, и сел у стола в передней комнате, чтобы писать. Писание расслабило меня.

На рассвете донья Соледад вышла, спотыкаясь, из своей комнаты. Она с трудом удерживала равновесие. Она была совершенно обнаженной. У двери ей стало нехорошо и она упала. Я дал ей воды и попытался укрыть одеялом. Она отказалась от него. Я стал беспокоиться, что она может замерзнуть. Она пробормотала, что должна быть обнаженной, чтобы ветер исцелил ее. Она сделала пластырь из размятых листьев и наложила его на лоб и обвязала тюрбаном. Она закуталась в одеяло, подошла к столу, где я писал, и села лицом ко мне. Глаза у не были

красные. Она действительно выглядела больной.

– Я должна тебе кое-что сказать, – сказала она слабым голосом. – Нагваль оставил меня ждать тебя; я должна была ждать, даже если бы это потребовало двадцать лет. Он дал мне инструкции, как завлечь тебя и похитить твою силу. Он знал, что рано или поздно ты должен приехать, чтобы увидеть Паблито и Нестора, поэтому он велел мне использовать эту возможность, чтобы околдовать тебя и взять все, что ты имеешь. Нагваль сказал, что если я буду жить неуязвимой жизнью, моя сила должна привести тебя сюда тогда, когда в доме больше никого не будет. Моя сила сделала это. Ты пришел, когда все остальные ушли. Моя неуязвимая жизнь помогала мне. Все, что оставалось мне сделать, было взять твою силу и потом убить тебя.

– Но зачем тебе нужно делать такую ужасную вещь?

– Потому что я нуждаюсь в твоей силе для своего собственного путешествия. Нагваль устроил это таким образом. Ты одинок, в конце концов, я, фактически, не знаю тебя. Ты ничего не значишь для меня. Так почему бы мне не взять то, в чем я так отчаянно нуждаюсь, у кого-то, кто не имеет никакого значения? Это были собственные слова Нагваля.

– Почему Нагваль хочет причинить мне вред? Ведь ты сама говорила, что он заботился обо мне.

– То, что я сделала с тобой ночью, не имеет никакого отношения к тому, что он чувствует по отношению к тебе или ко мне. Это исключительно наше с тобой дело. Не было никаких свидетелей того, что произошло сегодня между нами, так как оба мы являемся частью самого Нагваля. Но ты, в частности, получил от него и владеешь чем-то таким, чего нет у меня, что-то, в чем я отчаянно нуждаюсь, – специальной силой, которую он дал тебе. Нагваль сказал, что он дал что-то каждому из своих шести детей. Я не могу достичь элихио. Я не могу взять это у своих девочек, поэтому остаешься ты, как моя жертва. Я увеличила силу, которую дал мне Нагваль, и, увеличившись, она изменила мое тело. Ты также увеличил эту силу. Мне нужна была твоя сила и поэтому я должна была убить тебя. Нагваль сказал, что даже если ты не умрешь, ты должен пасть жертвой моих чар и стать моим пленником на всю жизнь, если я захочу. В любом случае твоя сила должна была стать моей.

– Но какая тебе могла быть польза от моей смерти?

– Не от твоей смерти, а от твоей силы. Я сделала это, т.к. я нуждаюсь в поддержке, без нее мое путешествие будет адски трудным. У меня не хватит выдержки. Именно поэтому я не люблю ла Горду. Она молодая и обладает большой выдержкой. Я старая и у меня есть задние мысли и сомнения. Если ты хочешь знать правду, то действительная борьба происходит между Паблито и мной. Он мой смертельный враг, а не ты. Нагваль сказал, что твоя сила могла бы сделать мое путешествие более легким и помочь мне получить то, что мне нужно.

– Каким образом Паблито может быть твоим врагом?

– Когда Нагваль изменил меня, он знал к чему это должно привести. Прежде всего он установил меня так, чтобы мои глаза смотрели на север, и хотя ты и мои девочки – одно и то же, я противоположна вам. Я иду в другом направлении. Паблито, Нестор и Бениньо – с тобой, направление глаз такое же, как и у тебя. Все вы будете идти вместе в сторону Юкатана.

Паблито мой враг не потому, что его глаза устремлены в противоположном направлении, а потому, что он мой сын. Вот что я должна была рассказать тебе, даже если ты не понимаешь, о чем я говорю. Я должна войти в другой мир. Туда, где сейчас находится Нагваль, где сейчас находятся Хенаро и элихио. Даже я должна уничтожить Паблито, чтобы сделать это.

– Что ты говоришь, донья Соледад? Ты сошла с ума!

– Нет, не сошла. Нет ничего более важного для нас, живых существ, чем войти в тот мир. Видишь ли, для меня это смысл жизни. Чтобы попасть в тот мир, я живу так, как научил меня Нагваль. Без надежды на тот мир я ничто, ничто. Я была старой жирной коровой. Теперь мне эта

надежда дает путеводную нить, направление, и хотя я не могу взять твою силу, я не оставила своей цели.

Она положила голову на руки, облокотившись на стол. Сила ее утверждений ошеломила меня. Я не понял, что в точности она имеет в виду, но почти сочувствовал ее доводам, хотя это была самая странная вещь, которую я услышал от нее ночью. Ее цель была – целью война, в стиле, в терминах дона Хуана. Однако, я никогда не знал, что для ее выполнения нужно уничтожать людей.

Она подняла голову и посмотрела на меня через полуприкрытые веки.

– Вначале все складывалось сегодня благоприятно для меня, – сказала она. – я была немного испугана, когда ты приехал. Я ждала этого момента годы. Нагваль сказал мне, что ты любишь женщин. Он сказал, что ты являешься легкой добычей для них, поэтому я сыграла на этом ради быстрого финала. Я рассчитывала, что ты пойдешь на это. Нагваль научил меня, как я должна захватить тебя в момент, когда ты будешь наиболее слабым. Я вела тебя к этому моменту с моим телом. Но ты заподозрил неладное. Я была слишком нерасторопной. Я взяла тебя в свою комнату, как мне велел сделать Нагваль, где линии моего пола должны были заманить тебя и сделать тебя беспомощным. Но ты одурачил мой пол, т.к. он тебе понравился, и ты стал внимательно рассматривать его линии. Он не имел никакой силы, когда твои глаза были направлены на его линии. Твое тело знало что делать. Затем ты отпугнул мой пол, завопив так, как ты сделал. Внезапные шумы, вроде этого, губительны, особенно голос мага. Сила моего пола умерла, как пламя. Я знала это, а ты нет.

Тогда ты был близок к тому, чтобы уехать, поэтому я должна была задержать тебя. Нагваль показал мне, как использовать свою руку, чтобы охватить тебя. Я попыталась сделать это, но у меня было слишком мало силы. Мой пол был перепуган. Твои глаза заставили оцепенеть его линии. Никто другой никогда не бросил взгляда на них. Поэтому я потерпела неудачу, пытаюсь схватить твою шею. Ты выскользнул из моей хватки прежде, чем я успела стиснуть тебя. Тогда я поняла, что ты ускользнешь, и предприняла еще одну попытку, еще одну завершающую атаку. Я использовала ключ, который, как говорил Нагваль, больше всего воздействует на тебя – страж. Я напугала тебя своими воплями и это дало мне достаточно силы, чтобы подчинить тебя. Я думала, что ты в моих руках, но мой дурацкий пес пришел в возбуждение. Он сдурел и сбросил меня с тебя, когда ты уже почти попал под власть моих чар. Как я теперь думаю, возможно, мой пес и не был таким дурным. Может быть, он заметил твоего дубля и набросился на него, но вместо этого свалил меня.

– Ты говорила, что это не твой пес.

– Я обманывала. Он был моей козырной картой. Нагваль научил меня, что я должна иметь козырную карту, какой-нибудь неожиданный трюк. Каким-то образом я знала, что мой пес может понадобиться мне. Когда я взяла тебя посмотреть моего друга, это был на самом деле он; койот – друг моих девочек. Я хотела, чтобы мой пес принял к тебе. Когда ты побежал в дом, я была вынуждена грубо обойтись с ним. Я зачихнула его внутрь твоей машины, заставив его визжать от боли. Он очень крупный и едва мог протиснуться над сиденьем. Прямо тогда я велела ему разорвать тебя на куски. Я знала, что если ты будешь сильно искусан моим псом, ты станешь беспомощным, и я смогу без труда прикончить тебя. Ты снова ускользнул, но ты не мог покинуть дом. Я знала тогда, что я должна быть терпеливой и дожидаться темноты. Затем ветер изменил направление, и я была уверена в своем успехе.

Нагваль сказал, что он знал без сомнения, что ты любишь меня как женщину. Все дело в том, чтобы дожидаться подходящего момента. Нагваль сказал, что ты убил бы себя, если бы осознал, что я захватила твою силу. Но в случае, если бы мне не удалось захватить ее или если бы я не захотела оставить тебя в живых, как своего пленника, я должна была использовать свою

головную ленту, чтобы задушить тебя насмерть. Он даже показал мне место, куда я должна бросить твой труп; бездонная яма, расщелина в горах, не очень далеко отсюда, где всегда исчезают козы. Однако Нагваль никогда не упоминал о твоей устрашающей стороне. Я уже сказала тебе, что один из нас должен был умереть вечером. Я не знаю, не случится ли это со мной. Нагваль сообщил мне уверенность, что я одержу победу. Как жестоко с его стороны не рассказать мне все о тебе.

– Представь себе, донья Соледад, я знаю еще меньше, чем ты.

– Это не одно и то же. Нагваль несколько лет готовил меня к этому. Я знала каждую деталь. Ты был у меня в ловушке. Нагваль даже показал мне листья, которые я всегда должна была держать свежими у себя под рукой, чтобы сделать тебя оцепенелым. Я положила их в бадью, как будто для аромата. Ты не заметил, что для своей бадьи я воспользовалась другими листьями. Ты попался во все, что я подготовила для тебя. И тем не менее, твоя устрашающая сторона в конце концов взяла верх.

– Что ты имеешь в виду под моей устрашающей стороной?

– Того, кто ударил меня и убьет сегодня вечером. Твой ужасный дубль, который вышел, чтобы прикончить меня. Я никогда не забуду его, и если я выживу, в чем я сомневаюсь, я никогда не буду той же самой.

– Он был похож на меня?

– Это был ты, конечно, не такой как ты выглядишь сейчас. Я не могу на самом деле сказать, на что он был похож. Когда я хочу подумать о нем, мне делается дурно

Я рассказал ей о моем мимолетном восприятии, что она вышла из своего тела под действием моего удара. Я намеревался прощупать ее не без причины. Мне показалось, что причиной, лежащей позади всего этого события, было вынудить нас извлечь источники, которые обычно закрыты для нас. Я, несомненно, нанес ей смертельный удар, я нанес глубокое повреждение ее телу, и все же я не мог сделать этого сам. Я действительно ощущал, что я ударил ее своим левым кулаком – об этом свидетельствовала огромная красная шишка у нее на лбу, – и тем не менее, суставы мои не опухли и я не чувствовал в них ни малейшей боли или неприятного ощущения. Удар такой силы мог бы сломать мне руку.

Услышав мое описание того, как я видел ее прижавшейся к стенке, она пришла в полное отчаяние. Я спросил ее, было ли у нее какое-нибудь ощущение того, что я видел, такое, как чувство выхода из своего тела, или мимолетное восприятие комнаты.

– Я знаю теперь, что я обречена, – сказала она. – очень немногие остаются в живых после касания дубля. Если моя душа уже вышла, я не останусь в живых. Я буду делаться все слабее и слабее, пока не умру.

Ее глаза дико блестели. Она поднялась, и по-видимому, была на грани того, чтобы ударить меня, но упала обратно.

– Ты забрал мою душу, – сказала она. – ты, должно быть, держишь ее теперь у себя в кармане. Хотя, разве ты должен был говорить мне все это?

Я поклялся ей, что не имел намерений причинить ей вред, что я действовал любым способом исключительно ради самозащиты и поэтому не таил зла против нее.

– Если моей души нет у тебя в кармане, это еще хуже, – сказала она. – она, должно быть, скитается бесцельно поблизости. Тогда я никогда не получу ее обратно.

Донья Соледад казалась лишенной энергии. Ее голос стал слабее. Я захотел, чтобы она пошла и легла. Она отказалась покинуть стол.

– Нагваль сказал мне, что если я потерплю полную неудачу, я должна тогда передать тебе его сообщение, – сказала она. – он велел мне сказать тебе, что он давно заменил твое тело. Ты теперь являешься им самим.

– Что он хотел этим сказать?

– Он маг. Он вошел в твое старое тело и заменил его святостью. Теперь ты сияешь, как сам Нагваль. Ты больше не сын твоего отца. Ты – сам Нагваль.

Донья Соледад встала. Она нетвердо держалась на ногах. Она, по-видимому, хотела сказать что-то еще, но издавала ужасные звуки. Она пошла в свою комнату. Я помогал ей до двери. Она не хотела, чтобы я входил. Она сбросила одеяло, которое покрывало ее, и легла на свою постель. Она спросила очень мягким голосом, не могу ли я сходить недалеко на холм и понаблюдать оттуда, чтобы узнать, не приближается ли ветер. Она добавила самым небрежным тоном, что я должен взять ее пса с собой. Ее требование показалось мне неуместным. Я сказал, что я лучше взберусь на крышу и посмотрю оттуда. Она повернулась ко мне спиной и сказала, что самое лучшее, что я смогу сделать для нее, это взять собаку на холм, чтобы она смогла приманить ветер. Я сильно рассердился на нее. Ее комната в полутьме производила самое жуткое впечатление. Я пошел в кухню, взял две лампы и пошел обратно. При виде света она истерически завопила. Я тоже издал вопль, но по другой причине. Когда свет попал в ее комнату, я увидел, что пол свернулся, как кокон, вокруг ее постели. Мое восприятие было таким мимолетным, что в следующий момент я мог поклясться, что эту призрачную сцену вызвала тень проволочных защитных сеток ламп. Это иллюзорное восприятие привело меня в ярость. Я встряхнул ее за плечи. Она заплакала, как ребенок, и обещала больше не устраивать своих трюков. Я поставил лампы на комод и она мгновенно уснула.

Утром ветер изменился. Я ощущал сильные порывы, бьющие в северное окно. Около полудня донья Соледад снова вышла. Она, казалось, немного пошатывалась. Краснота в ее глазах исчезла, и припухлость на лбу уменьшилась, там была едва заметная шишка.

Я почувствовал, что мне пора уезжать. Я сказал ей, что хотя я записал сообщение, которое она передала мне от дона Хуана, оно не прояснило ничего.

– Ты больше не сын своего отца. Ты теперь сам Нагваль, – сказала она.

Со мной творилось что-то невообразимое. Несколько часов тому назад я был беспомощным и донья Соледад действительно пыталась убить меня, но в этот момент, когда она говорила мне, я забыл ужас этого происшествия. И тем не менее, была другая часть меня, которая могла проводить целые дни, обдумывая бессмысленные конфронтации с людьми относительно моей личности и моей работы. Эта часть казалась реальным мной, которого я знал всю свою жизнь. А та часть меня, которая прошла через схватку со смертью этой ночью, а затем забыла об этом, не была реальной. Она была мною и все же мною не была. В свете таких несообразностей заявления дона Хуана не казались такими надуманными, но были пока еще неприемлемыми.

Донья Соледад казалась рассеянной. Она мирно улыбалась.

– О, она здесь! – сказала она внезапно. – какая удача для меня. Мои девочки здесь. Теперь они позаботятся обо мне.

Она, казалось, изменилась к худшему. Она выглядела такой же сильной, как прежде, но ее поведение было раздвоенным. Мои страхи возросли. Я не знал, оставить ее здесь или взять ее в больницу в город в нескольких сотнях миль отсюда.

Внезапно она вскочила, как маленький ребенок, и побежала через переднюю дверь и вниз по подъездной дороге по направлению к шоссе. Ее пес побежал за ней. Я поспешно забрался в свою машину, чтобы догнать ее. Я должен был ехать вниз задним ходом, потому что не было места развернуться. Когда я достиг шоссе, я увидел через заднее окошко, что донья Соледад окружена четырьмя молодыми женщинами.

2. Сестрички

Донья Соледад, казалось, что-то объясняла четырем женщинам, которые окружали ее. Она делала драматические жесты руками и держала свою голову в руках. Было очевидно, что она рассказывала им обо мне. Я поехал вверх по подъездной дороге к месту прежней стоянки. Я собирался ждать их там. Я взвешивал, оставаться ли мне в машине или небрежно сесть на левое крыло. Я решил стоять около дверцы машины, готовый вскочить в нее и уехать, если будут намеки на повторение чего-либо вроде происшествия предыдущего дня.

Я был уставшим. Я не смыкал глаз более 24 часов. Я планировал раскрыть молодым женщинам сколько возможно об инциденте с доньей Соледад, чтобы они могли принять необходимые меры для помощи ей, а затем я собирался уехать. Их присутствие произвело определенную перемену. Все казалось заряженным новой мощью и энергией. Я ощутил эту перемену, когда увидел донью Соледад, окруженную ими.

Откровение доньи Соледад, что они были ученицами дона Хуана, придавало им такую мучительную притягательность, что я с трудом мог ожидать, чтобы встретиться с ними. Я задавал себе вопрос, были ли они подобны донье Соледад. Она сказала, что они были подобны мне самому, и что мы шли в одном и том же направлении. Это легко можно было бы интерпретировать в положительном смысле. Я хотел верить в это больше, чем во что-либо еще.

Дон Хуан обычно называл их «лас эрманитас», сестрички, – Самое подходящее наименование, по крайней мере, для двух, которых я встречал, Лидии и Розы, – двух легких, похожих на фей, очаровательных молодых женщин. Я вычислил, что им должно было быть чуть больше двадцати, когда я впервые встретил их, хотя Паблито и Нестор всегда отказывались говорить об их возрасте. Две другие, Жозефина и елена, были полной загадкой для меня. Я обычно слышал, как их имена упоминались время от времени, всегда в каком-то неблагоприятном контексте. Из случайных замечаний, сделанных доном Хуаном, я заключил, что они были какими-то причудливыми, одна была помешанной, другая – тучной, вследствие этого их держали в изоляции. Однажды я столкнулся с Жозефиной, когда шел в дом вместе с доном Хуаном. Он представил меня ей, но она закрыла лицо и убежала прочь прежде, чем я успел поздороваться с ней. В другой раз я застал елену, стирающую белье. Она была огромных размеров. Я подумал, что она, должно быть, страдает расстройством желез. Я приветствовал ее, но она не обернулась. Я никогда не видел ее лица.

После рекламы, которую им сделала донья Соледад во время своих разоблачений, я ощущал желание побеседовать с загадочными «эрманитас» и в то же самое время почти боялся их.

Я вскользь глянул вниз на подъездную дорогу, собираясь с силами, чтобы сразу встретиться со всеми ими. На дороге было пусто. Там не было никого приближающегося, а только минуту тому назад они были не больше, чем в 30 ярдах от дома. Я взобрался на крышу машины, чтобы посмотреть. Там не было никого идущего, даже собаки. Я запаниковал. Я соскользнул вниз и был готов вскочить в машину и уехать, как вдруг я услышал, как кто-то сказал: «эй, посмотри, кто здесь».

Я быстро обернулся и оказался лицом к лицу с двумя девушками, которые только что вышли из дома. Я сделал вывод, что они, должно быть, прибежали впереди меня и вошли через заднюю дверь. Я вздохнул с облегчением.

Две молодые девушки подошли ко мне. Я должен был признаться самому себя, что раньше я никогда по-настоящему не замечал их. Они были красивые, темные и очень худощавые, но не тощие. Их длинные черные волосы были завязаны лентой. Они были одеты в незамысловатые юбки, синие хлопчатобумажные жакеты и коричневые башмаки и с низким каблуком и мягкой

подошвой. Они были без чулок, их ноги были стройные и мускулистые. Их рост, должно быть, был 5 футов и 3-4 дюйма. Они казались физически очень развитыми, они двигались с большим изяществом. Одна из них была Лидия, другая – Роза.

Я приветствовал их, и тогда они в унисон протянули мне руки для рукопожатия. Они встали по обе стороны от меня. Они выглядели здоровыми и бодрыми. Я попросил их помочь мне достать пакеты из багажника. Когда мы несли их в дом, я услышал сильное рычание такое сильное и близкое, что оно больше походило на рык льва.

– Что это такое? – спросил я Лидию.

– Ты не знаешь? – спросила она недоверчиво.

– Это должно быть пес, – сказала Роза, когда они побежали в дом, практически увлекая меня за собой.

Мы разместили пакеты на столе и сели на две скамейки. Обе девушки были обращены лицом ко мне. Я сказал им, что донья Соледад очень больна и что я готовился забрать ее в больницу в город, т.к. я не знал, что еще сделать, чтобы помочь ей.

Когда я говорил, я осознал, что вступил на опасную почву. У меня не было никакого способа оценить, сколько информации я должен раскрыть им о подлинном характере моего сражения с доньей Соледад. Я начал наблюдать, чтобы найти ключ к этому. Я думал, что если буду внимательно наблюдать, их голоса или выражение их лиц обнаружит как много они знают. Но они продолжали молчать и предоставили мне самому вести весь разговор. Я начал сомневаться в том, должен ли я вообще выдавать какую-либо информацию по своей инициативе. Пытаясь рассчитать, что мне делать, чтобы не допустить промаха, я кончил тем, что стал говорить чепуху. Лидия оборвала меня. Сухим тоном она сказала, что мне нечего беспокоиться о здоровье доньи Соледад, потому что они уже приняли меры, чтобы оказать ей помощь. Это утверждение заставило меня спросить ее, знает ли она, что случилось с доньей Соледад.

– Ты забрал ее душу, – сказала она обвиняюще.

Моей первой реакцией было защищать себя. Я начал горячо говорить, но кончил тем, что запутался в противоречиях. Они пристально смотрели на меня. Я пришел в полное замешательство. Я попытался сказать то же самое другими словами. Мое утомление было таким интенсивным, что я с трудом мог собраться с мыслями. Наконец я сдался.

– Где Паблито и Нестор? – спросил я после длинной паузы.

– Они скоро будут здесь, – мгновенно ответила Лидия.

– Вы были с ними? – спросил я.

– Нет! – воскликнула она и уставилась на меня.

– Мы никогда не бываем вместе, – объяснила Роза. – эти бездельники отличаются от нас.

Лидия сделала повелительный жест своей ногой, чтобы она замолчала. По-видимому, она была тем, кто отдавал приказы. Уловив движение ее ног, я вспомнил один очень своеобразный аспект моих отношений с доном Хуаном. Во время наших бесчисленных скитаний он успешно, без всяких заметных усилий обучил меня системе тайной коммуникации посредством закодированных движений ног. Я заметил, что Лидия делала Розе сигнал опасности, который подавался тогда, когда что-либо происходящее в поле зрения сигнализирующего является нежелательным или опасным. В данном случае – я. Я засмеялся. Я вспомнил, что дон Хуан дал мне этот сигнал, когда я впервые встретил дону Хенаро.

Я сделал вид, что не понимаю происходящего, чтобы посмотреть, не смогу ли расшифровать их сигналы. Роза сделала знак, что она собирается наступать на меня. Лидия ответила повелительным знаком, запрещающим это.

Согласно дону Хуану, Лидия была очень талантлива. С его точки зрения она была более чувствительной и алертной, чем Паблито, Нестор и я сам. Мне никогда не удавалось завязать с

ней дружбу. Она была отчужденная и очень резкая. У нее были огромные черные неподвижные глаза, которые никогда ни на кого не смотрели прямо, широкие скулы и точеный нос, который немного уплощался и расширялся на переносице. Я вспомнил, что у нее были воспаленные красные веки, за что все насмехались над ней. Краснота ее век исчезла, но она продолжала тереть свои глаза и часто моргала. В течение лет моей связи с доном Хуаном и доном Хенаро, я видел Лидию чаще всего, и, несмотря на это, мы, вероятно, не обменялись друг с другом больше чем дюжиной слов. Паблито считал ее очень опасным существом. Я же всегда думал, что она была просто чересчур застенчивой.

Роза, с другой стороны, была очень бойкой. По моему мнению, она была самой младшей. У нее были открытые и сияющие глаза. Она никогда не была изворотливой, но была очень раздражительной. Я разговаривал с Розой больше, чем с остальными. Она была дружелюбной, очень дерзкой и очень забавной.

– Где остальные? – спросил я Розу.

– Они скоро придут, – ответила Лидия.

Мне было ясно, что несмотря на внешнее дружелюбие, на уме у них было другое. Судя по их сигналам ногами, они были столь же опасны, как донья Соледад, и все же, когда я сидел там, глядя на них, мне казалось, что все было великолепно. Я испытывал самые теплые ощущения к ним. В действительности, чем более пристально они смотрели мне в глаза, тем интенсивнее становилось ощущение. В один момент я даже ощутил к ним настоящую страсть. Они были такими привлекательными, что я мог сидеть там часами, глядя на них, но одна отрезвляющая мысль заставила меня вскочить. Я не собирался повторять свою ошибку прошлой ночи. Я решил, что лучшей защитой будет выложить свои карты на стол. Твердым тоном я сказал, что дон Хуан подстроил некоторого рода испытание для меня, пользуясь доньей Соледад, или наоборот. Была вероятность того, что он и их тоже настроил таким же образом, и нам предстоит сражаться друг против друга в некоторого рода битве, которая может причинить вред кому-нибудь из нас. Я воззвал к их воинскому духу. Если они настоящие наследницы дона Хуана, то они должны быть неуязвимы со мной, раскрыть свои планы и не вести себя, как обычные алчные человеческие существа.

Я повернулся в Розе и спросил у нее о причине, из-за которой она хотела наступать на меня. Она на мгновение растерялась, а потом рассердилась. Ее глаза пылали гневом, а маленький рот сжался.

Лидия очень ясно объяснила мне, что мне нечего бояться их, и что Роза сердится на меня потому, что я причинил вред донье Соледад. Ее ощущения были исключительно личной реакцией.

Тогда я сказал, что мне пора уходить. Лидия жестом остановила меня. Она, казалось, испугалась или сильно обеспокоилась. Она начала возражать, но тут меня отвлек шум, доносящийся из-за двери. Две девушки прыгнули в мою сторону. Что-то тяжелое прислонилось к двери или толкало ее. Тут я заметил, что девушки закрыли ее на щеколду. Я ощутил раздражение. Все это дело собиралось повториться снова, а я утомился и устал от всего этого.

Девушки взглянули друг на друга, потом взглянули на меня, а потом снова друг на друга.

Я услышал скуление и тяжелое дыхание какого-то большого животного возле дома. Это мог быть пес. Изнеможение помрачило мой ум в этот момент. Я бросился к двери, снял щеколду и стал открывать ее. Лидия испуганно метнулась к двери и снова закрыла ее.

– Нагваль был прав, – сказала она, запыхавшись. – ты думаешь и думаешь. Ты тупее, чем я думала.

Она подтолкнула меня обратно к столу. Я приготовился в уме в самых подходящих выражениях сказать им раз и навсегда, что с меня достаточно. Роза села рядом со мной, касаясь

меня, я мог ощущать ее ногу, которая нервно соприкасалась с моей. Лидия стояла лицом ко мне, глядя на меня в упор. Ее горящие глаза, казалось, говорили что-то такое, чего я не мог понять.

Я начал говорить, но не кончил. У меня возникло внезапное и очень глубокое ощущение. Мое тело осознавало зеленоватый свет, какую-то флюоресценцию снаружи дома. Я не видел и не слышал ничего. Я просто осознавал свет, как если бы я внезапно уснул и мои мысли превратились в образы, наложенные на мир обыденной жизни. Свет двигался с большой скоростью. Я мог чувствовать его своим животом. Я следовал за ним, или, скорее, фокусировал на нем свои внимание на мгновение, которое он двигался поблизости. Фокусирование моего внимания на свет привело к большой ясности ума. Я знал тогда, что в этом доме, в присутствии этих людей было неправильно и опасно вести себя как наивный наблюдатель.

– Ты не боишься? – спросила Роза, указывая на дверь.

Ее голос нарушил мою концентрацию.

Я согласился, что то, что там было, испугало меня на очень глубоком уровне, достаточным для того, чтобы я умер от страха. Я хотел сказать еще, но тут меня охватила ярость и я захотел увидеть и поговорить с доньей Соледад. Я не верил ей. Я пошел прямо в ее комнату. Ее там не было. Я стал звать ее, выкрикивая ее имя. В доме была еще одна комната. Я распахнул дверь и ворвался туда. Там никого не было. Мой гнев возрос в такой же пропорции, как и мой страх.

Я вышел через заднюю дверь и прошел к передней. В поле зрения не было видно даже пса. Я яростно застучал в переднюю дверь. Лидия открыла ее. Я вошел. Я заорал на нее, чтобы она сказала мне, куда все делись. Она опустила глаза и не ответила. Она хотела закрыть дверь, но я не позволил ей. Она быстро вышла и пошла в другую комнату.

Я снова сел у стола. Роза не двигалась. Она, казалось, застыла на месте.

Мы – одно и то же, – сказала она внезапно. – Нагваль сказал нам это.

– Скажи в таком случае, кто рыскал вокруг дома? – спросил я.

– Олли, – сказала она.

– Где оно сейчас?

– Оно все еще здесь. Оно не уйдет. В тот момент, когда ты будешь слабым, оно сомнет тебя.

Однако мы не можем ничего рассказать тебе.

– Кто же тогда может рассказать мне?

– Ла Горда! – воскликнула Роза, открывая свои глаза так широко, как могла. – она та, кто может. Она знает все.

Роза спросила меня, можно ли закрыть дверь, на всякий случай. Не дожидаясь моего ответа, она медленно пошла к двери и с шумом захлопнула ее.

– Пока мы здесь, нам ничего другого не остается, кроме как ждать, – сказала она.

Лидия вернулась в комнату с каким-то пакетом, в котором был какой-то предмет, обернутый в кусок темно-желтой материи. Она казалась очень расслабленной. Я заметил, что она имеет очень властные черты характера. Каким-то образом она сообщила свое расположение духа Розе и мне.

– Ты знаешь, что здесь у меня? – спросила она.

Я не имел ни малейшего понятия. Она начала неторопливо разворачивать сверток. Потом она остановилась и посмотрела на меня. Она, казалось, колебалась. Она усмехнулась, как будто очень стеснялась показать, что было в свертке.

– Этот пакет Нагваль оставил для тебя, – пробормотала она, – но я думаю, что нам лучше подождать ла Горду. Я настаивал, чтобы она развернула его. Она свирепо взглянула на меня и унесла пакет из комнаты, не сказав ни слова. Я наслаждался игрой Лидии. Она исполняла нечто такое, что находилось в полном согласии с поручением дона Хуана. Она продемонстрировала мне, как извлечь небольшую пользу из обычной ситуации. Принеся пакет ко мне и сделав вид,

что она собирается открыть его, уведолив меня, что дон Хуан оставил его для меня, она действительно создала тайну, которая была почти невыносимой. Она знала, что я вынужден остаться, если хочу узнать содержимое этого пакета. Я мог думать о множестве вещей, которые могли быть в этом свертке. По-видимому, это была трубка, которую дон Хуан использовал, когда имел дело с психотропными грибами. Он как-то заметил, что эта трубка будет отдана мне на хранение. Либо это мог быть его нож, или кожаный кисет, или даже его магические предметы силы. С другой стороны, это могла быть уловка со стороны Лидии; дон Хуан был слишком изощрен, слишком отвлечен, чтобы оставлять мне свои личные вещи.

Я сказал Розе, что я едва держусь на ногах и ослабел от голода. У меня была идея поехать в город, отдохнуть пару дней, а потом вернуться назад, чтобы увидеть Паблито и Нестора. Я сказал, что к тому времени я смогу встретиться даже с двумя другими девушками.

Тут вернулась Лидия, и Роза сказала ей о моем намерении уехать.

– Нагваль дал нам приказания слушаться тебя, как его самого, – сказала Лидия. – мы все являемся самим Нагвалем, но ты являешься им больше всего по какой-то причине, которую никто не понимает.

Обе они тотчас же заговорили со мной и гарантировали всеми способами, что ни одна не собирается предпринимать ничего против меня, как донья Соледад. У обеих в глазах светилась такая горячая искренность, что даже мое тело поверило. Я поверил им.

– Ты должен остаться, пока не вернется ла Горда, – сказала Лидия.

– Нагваль сказал, что ты должен спать в его постели, – добавила Роза.

Я начал ходить по комнате, мучаясь каверзной дилеммой. С одной стороны, я хотел остаться и отдохнуть, я чувствовал себя физически легко и счастливо в их присутствии, чего я не ощущал днем раньше с доньей Соледад. С другой стороны, моя разумная часть вообще не расслабилась. На этом уровне я был таким же испуганным, как все время. У меня были моменты слепого отчаяния, когда я действовал смело, но после того, как эти действия заканчивались, я чувствовал себя таким же уязвимым, как всегда.

Я погрузился в самоанализ, почти неистово вышагивая по комнате. Обе девушки оставались неподвижными, с волнением наблюдая за мной. Затем загадка внезапно разрешилась: я знал, что что-то во мне лишь делало вид, что оно боится. Я познакомился с этим способом реагировать в присутствии донна Хуана. На протяжении лет нашей связи я всецело полагался на него в отношении представления мне успокоительных мер от моего страха. Моя зависимость от него давала мне утешение и безопасность. Но теперь это было неразумно. Дон Хуан ушел. Его ученики не имели его терпеливости, или его искусности, или его абсолютной власти. Искать у них утешения было очевидной глупостью.

Девушки повели меня в другую комнату. Окно выходило на юго-восток, там же была расположена и постель, которая представляла собой толстый мат, вроде матраца. Большой, длиной в два фута стебель агавы был разрезан таким образом, что пористая ткань служила подушкой или опорой для шеи. В средней части его была мягкая выемка. Поверхность агавы была очень мягкой. Она, по-видимому, была отполирована вручную. Я испробовал постель и подушку. Удобство и телесное удовлетворение, которое я испытывал, были необыкновенными. Лежа на постели донна Хуана я ощущал безмятежность и удовлетворенность. Несравнимый покой охватил мое тело. Однажды раньше у меня уже было подобное ощущение, когда дон Хуан сделал мне постель на вершине холма в пустыне северной Мексики. Я заснул.

Я проснулся с наступлением вечера. Лидия и Роза лежали почти наверху меня, погруженные в глубокий сон. Я лежал неподвижно 1-2 секунды, а затем обе одновременно проснулись.

Лидия зевнула и сказала, что они должны спать вместе со мной, чтобы защитить меня и

позволить мне отдохнуть. Я был смертельно голоден. Лидия послала Розу в кухню приготовить еды. Она тем временем засветила все лампы в доме. Когда еда была готова, мы сели за стол. У меня было ощущение, как будто я знал их или был с ними всю жизнь. Мы ели молча. Когда Роза убирала стол, я спросил Лидию, спят ли они все в постели Нагваль; это была единственная постель в доме, кроме постели доньи Соледад. Лидия сказала прозаическим тоном, что они выехали из этого дома несколько лет назад в свое собственное место недалеко отсюда, и что Паблито уехал одновременно с ними и живет с Нестором и Бениньо.

– Но что с вами случилось? Я думал, вы все живете вместе, – сказал я.

– Больше нет, ответила Лидия. С тех пор, как Нагваль ушел, мы имеем отдельные задания. Нагваль соединил нас и Нагваль разделил нас.

– А где сейчас Нагваль? – спросил я самым небрежным тоном, каким только смог.

Они посмотрели на меня, а затем взглянули друг на друга.

– О, мы не знаем, – сказала Лидия. – он и Хенаро покинули нас.

Они, кажется, говорили правду, но я еще раз настоял, чтобы они рассказали мне то, что они знают.

– Мы действительно ничего не знаем, – отрезала мне Лидия, очевидно, возбужденная моими вопросами. – они ушли в другое место. Ты должен задать этот вопрос ла Горде. Она должна что-то рассказать тебе. Она знала вчера, что ты приехал, чтобы попасть сюда. Мы боялись, что ты умер. Нагваль сказал, что ты единственный, кому мы должны помогать и верить. Он сказал, что ты – это он сам.

Она закрыла свое лицо и захихикала, а потом добавила: «но в это трудно поверить».

– Мы не знаем тебя, – сказала Роза. – вот в чем дело. Мы четверо чувствуем одинаково. Мы боялись, что ты умер, а когда мы увидели тебя, мы рассердились на тебя за то, что ты не умер. Соледад для нас словно мать, может быть, даже больше, чем мать.

Они обменялись заговорщечким взглядом друг с другом. Я немедленно интерпретировал его как сигнал опасности. Они задумали что-то недоброе. Лидия заметила мое внезапное недоверие, которое, должно быть, было написано у меня на лице. Она отреагировала серией утверждений об их желании помогать мне. Я, фактически, не имел основания сомневаться в их искренности. Если бы они хотели причинить мне вред, они могли бы сделать это тогда, когда я спал. Они говорили так убедительно, что я ощутил себя мелочным. Я решил распределить подарки, которые я привез для них. Я сказал им, что в пакетах находятся кое-какие безделушки и что они могут выбирать то, что им понравится. Лидия сказала, что они предпочли бы, чтобы я сам вручил подарки. Очень любезным тоном она добавила, что они были бы благодарны, если бы я также вылечил Соледад.

– Что по-твоему я должен сделать, чтобы вылечить ее? – спросил я ее после долгого молчания.

– Использовать свой дубль, – сказала она сухим тоном.

Я тщательно объяснил, что донья Соледад едва предательски не убила меня, и что я остался в живых благодаря чему-то во мне, что не было ни моим умением, ни моим знанием. Что касается меня, то неуловимое что-то, что кажется, нанесло ей удар, было реальным, но недостижимым. Короче говоря, я мог помочь донье Соледад не больше, чем сходить на луну.

Они слушали меня внимательно, оставаясь неподвижными, но возбужденными.

– Где донья Соледад сейчас? – спросил я Лидию.

– Она вместе с ла Гордой, – сказала она унылым тоном. – ла Горда забрала ее и пытается вылечить ее, но мы не знаем, где они на самом деле.

– А где Жозефина?

– Она пошла искать свидетеля. Он единственный, кто может вылечить Соледад. Роза

считает, что ты знаешь больше, чем свидетель, но т.к. ты рассердился на Соледад, ты желаешь ее смерти. Мы не виним тебя.

Я заверил их, что я не рассержен на нее, уж во всяком случае я не желаю ее смерти.

– Тогда вылечи ее, – сказала Роза сердитым пронзительным голосом. – свидетель сказал нам, что ты всегда знаешь, что делать, а свидетель не может ошибаться.

– А кто такой, черт побери, свидетель?

– Нестор – свидетель, – сказала Лидия, как будто она была вынуждена произнести его имя. – ты знаешь это. Ты должен знать. Я вспомнил, что во время нашей последней встречи дон Хенаро называл Нестора свидетелем. Я подумал тогда, что это прозвище было шуткой или уловкой, которую Хенаро использовал, что ослабить охватившее всех напряжение и боль тех последних совместных минут.

– Это была не шутка, – сказала Лидия твердым тоном. – Хенаро и Нагваль вели свидетеля по иному пути. Они брали его с собой всюду, куда они ходили. Я имею в виду – всюду! И свидетель был свидетелем всего, что надо было засвидетельствовать.

Очевидно, между нами было ужасное отсутствие взаимопонимания. Я понял, что я был практически чужим для них. Дон Хуан держал меня вдали от всех, включая Паблито и Нестора. Кроме случайных «здравствуйте» и «до свидания», которыми мы обменивались на протяжении лет, мы никогда по-настоящему не разговаривали. Я знал их всех, главным образом, по описаниям, которые дон Хуан давал мне. Хотя я однажды встретил Жозефину, я не помнил, как она выглядела, и все, что я видел у ла Горды, это ее гигантский зад. Я сказал им, что я даже не знал, вплоть до сегодняшнего дня, что они четверо были ученицами дона Хуана и что Бениньо тоже был членом группы.

Они обменялись друг с другом смущенными взглядами. Роза открыла рот, собираясь что-то сказать, но Лидия дала ей команду ногами. Я полагал, что после длинного и откровенного объяснения они больше не будут тайком сообщаться друг с другом. Мои нервы были так взвинчены, что их скрытые движения ног привели меня в ярость. Я заорал на них во всю мочь и грохнул по столу правой рукой. Роза встала с невероятной скоростью, и, по-видимому, в ответ на ее внезапное движение мое тело само по себе, без участия разума, отступило назад, как раз вовремя, чтобы избежать на несколько дюймов удара массивной палкой или каким-то тяжелым предметом, который Роза держала в своей левой руке. Он упал на стол с оглушительным шумом.

Я снова услышал, как и предыдущей ночью, когда донья Соледад душила меня, очень своеобразный и загадочный звук, подобный звуку ломающейся трубки, прямо за трахеей в основании своей шеи. Мои глаза вытаращились и с быстротой молнии моя левая рука опустилась на верхушку резиновой палки и уничтожила ее. Я сам видел эту сцену так, как если бы наблюдал кинофильм.

Роза завопила, и я тогда осознал, что я наклонился вперед и всей своей тяжестью ударил обратную сторону ее ладони своим левым кулаком. Я был потрясен. То, что произошло, показалось мне нереальным. Это был кошмар. Роза продолжала вопить. Лидия увела ее в комнату дона Хуана. Я слышал ее крики боли еще некоторое время, а затем они прекратились. Я сел у стола. Мои мысли были хаотическими и бессвязными.

Своеобразный звук в основании своей шеи я осознал очень остро. Дон Хуан охарактеризовал его как звук, который производит человек в момент изменения скорости. Я смутно помнил, что испытывал этот звук в его компании. Хотя я начал сознавать его прошлой ночью, я не признавал его полностью, пока это не случилось с Розой. Затем я осознал, что этот звук вызвал особое чувство тепла на небе и в ушах. Сила и сухость звука заставили меня подумать о звоне большого треснувшего колокола.

Немного погодя вернулась Лидия. Она казалась более спокойной и собранной. Она даже

улыбалась. Я попросил ее помочь мне распутать эту загадку и рассказать мне, что случилось. После длительного колебания она рассказала мне, что когда я заорал и грохнул по столу, Роза стала возбужденной и нервной и подумала, что я собираюсь причинить ей вред, и она попыталась ударить меня своей «сновидной рукой». Я увернулся от ее удара и стукнул ее по тыльной стороне ее руки таким же образом, как я ударил донью Соледад. Лидия сказала, что рука Розы будет беспомощной, пока я не найду способа помочь ей.

Затем в комнату пришла Роза. Ее рука была замотана в кусок материи. Она взглянула на меня. Ее глаза были подобны глазам ребенка. Мои ощущения были в полном смятении. Но другая часть оставалась невозмутимой. Если бы не эта часть, то я не остался бы в живых после нападения доньи Соледад или сокрушительного удара Розы.

После долгого молчания я сказал им, что с моей стороны было мелочно раздражаться их сообщениями посредством ног, но что нельзя сравнить ораание и стучание по столу с тем, что сделала Роза. В виду того, что я не был знаком с их практикой, она могла сильно повредить мою руку своим ударом.

Я потребовал самым угрожающим тоном, чтобы она показала мне свою руку. Она с неохотой развернула ее. Рука была опухшая и красная. В моем уме не оставалось никакого сомнения, что эти люди осуществляли определенного рода испытания, которые дон Хуан подстроил мне. Вступая в конфронтацию с ним, я был ввергнут в сферу, которую невозможно было достичь или постигнуть в разумных терминах. Он повторял снова и снова, что моя разумность охватывает только очень маленькую часть того, что он называл целостностью самого себя. Под напором непривычной и вполне реальной опасности моего физического уничтожения, мое тело должно было воспользоваться своими скрытыми ресурсами, либо умереть. Трюк, казалось, заключался в принятии возможности, что такие ресурсы существуют и могут быть достигнуты. Годы тренировки были шагами для того, чтобы прибыть к этому понятию. Согласно своей предпосылке о невозможности никаких компромиссов, дон Хуан добивался полной победы или полного поражения для меня. Если бы тренировка потерпела неудачу, чтобы привести меня в контекст с моими скрытыми ресурсами, то испытание сделало бы это очевидным, в каком случае я практически ничего не смог бы сделать. Дон Хуан сказал донье Соледад, что я убил бы самого себя. Будучи столь глубоким знатоком человеческой природы, он, вероятно, был прав.

Было пора переменить направление действий. Лидия сказала, что я мог бы помочь Розе и донье Соледад той же самой силой, которая причина им вред; проблема, следовательно, была в том, чтобы воспроизвести правильную последовательность ощущения, или мыслей, или чего-то еще, чтобы заставить мое тело высвободить эту силу. Я взял руку Розы и стал трогать ее, чтобы она излечилась. Я испытывал к ней только наилучшие ощущения. Я гладил ее руку, сжимал ее (Розу) в объятиях долгое время. Я гладил ее голову, и она уснула на моем плече, однако, краснота и опухлость ее руки не претерпела никаких изменений.

Лидия наблюдала за мной, не говоря ни слова. Она улыбалась мне. Я хотел сказать ей, что потерпел фиаско как исцелитель. Ее глаза, казалось, поймали мое настроение и удерживали его до тех пор, пока оно не застыло.

Роза хотела спать. Она была смертельно усталая либо больная. Я не хотел доискиваться, какая из двух причин имела место. Я поднял ее на руки, она была легче, чем я мог вообразить. Я отнес ее к постели дон Хуана и осторожно уложил ее. Лидия укрыла ее. В комнате было очень темно. Я выглянул из окна и увидел безоблачное небо, усыпанное звездами. Вплоть до этого момента я упускал из виду тот факт, что мы находились на довольно большой высоте.

Когда я взглянул на небо, я ощутил прилив оптимизма. Казалось, что звезды каким-то образом рады мне. Смотреть в юго-восточном направлении было действительно восхитительно.

Внезапно у меня возникло ощущение, которое я ощущал обязанным удовлетворить. Я захотел посмотреть, насколько отличался вид неба из окна доньи Соледад, которое было обращено на север. Я взял Лидию за руку с намерением повести туда, но щекочущее чувство на макушке моей головы остановило меня. Оно прошло, как волна ряби по спине к пояснице, а оттуда к подложечной ямке. Я сел на мат. Я попробовал вспомнить свои ощущения. Казалось, в тот самый момент, когда я ощутил щекочущее раздражение на своей голове, мои мысли уменьшились по силе и по количеству. Я пытался, но не мог вовлечь себя в обычный ментальный процесс, который я называл думанием. Мои размышления заставили меня забыть о Лидии. Она опустилась на колени на пол лицом ко мне. Я начал осознавать, что ее огромные глаза внимательно рассматривают меня на расстоянии в несколько дюймов. Я автоматически взял ее руку и снова пошел в комнату доньи Соледад. Когда мы подошли к двери, я ощутил, что все ее тело оцепенело. Я должен был потянуть ее. Я уже собрался переступить через порог, как вдруг мне бросилась в глаза громадная черная масса человеческого тела, лежащая у стенки напротив двери. Зрелище было таким неожиданным, что я ахнул и выпустил руку Лидии. Это была донья Соледад. Ее голова покоилась около стены. Я обернулся к Лидии. Она отскочила на пару шагов. Я хотел прошептать, что донья Соледад вернулась, но никаких звуков моих слов не было, хотя я был уверен, что прошептал их. Я попытался заговорить снова, но не смог. Было так, как если бы слова требовали слишком много времени, а мне его не хватало. Я вступил в комнату и направился к донье Соледад. По-видимому, ей было очень больно. Я присел около нее и прежде, чем спросить ее о чем-нибудь, я поднял ее голову, чтобы посмотреть на нее. Я увидел, что на ее лбу что-то, это выглядело, как пластырь из листьев, который она сделала себе. Он был темный, липкий на ощупь. Я ощутил повелительную необходимость снять его со лба. Очень уверенным движением я обхватил ее голову, откинул ее назад и сорвал пластырь. Он был похож на облезшую резину. Она не двигалась и не жаловалась на боль. Под пластырем было желтовато-зеленое пятно. Оно двигалось, как если бы оно было живое или насыщено энергией. Я посмотрел на него на мгновение, не будучи в состоянии ничего сделать. Я ткнул в него пальцем, и оно пристало к нему, как клей. Я не впал в панику, как я обычно делаю; эта штука мне скорее понравилась. Я помешал ее кончиками пальцев, и вся она сошла со лба. Я встал. Липкая субстанция давала ощущение тепла. Мгновение она была похожа на пасту, а затем высохла между моими пальцами и на ладони руки. Затем я получил другой толчок озарения и побежал в комнату донна Хуана. Я схватил розину руку и стер то же самое флюоресцирующее желтовато-зеленое вещество с ее руки, которое я стер со лба доньи Соледад.

Мое сердце колотилось так сильно, что я едва мог стоять на ногах. Я захотел лечь, но что-то во мне толкнуло меня к окну и заставило стряхнуть пятно.

Я не могу вспомнить, как долго я стряхивал его. Внезапно я ощутил, что что-то трется о мою шею и плечи. Тут я начал осознавать, что я был практически голым и сильно вспотел. Лидия обернула мои плечи тряпкой и вытирала пот с моего лба. Ко мне сразу же вернулся мой нормальный мыслительный процесс. Я оглядел комнату. Роза была в глубоком сне. Я побежал в комнату доньи Соледад. Я ожидал найти ее тоже спящей, но там никого не было. Лидия пришла вслед за мной. Я рассказал ей, что случилось. Она бросилась к Розе и стала ее будить, в то время как я одевался. Роза не хотела просыпаться. Лидия схватила ее за здоровую руку и встряхнула ее. Одним пружинящим движением Роза встала и полностью проснулась. Они стали носиться по дому, гася лампы. Они, казалось, готовы были удирать. Я хотел спросить их почему они так торопятся, как вдруг я сам осознал, что я тоже оделся с большой поспешностью. Мы носились вместе, более того, они, казалось, ожидали моих прямых указаний.

Мы выбежали из дома, неся все пакеты, которые я привез. Лидия мне посоветовала их не оставлять, я нераспределил их, и они все еще принадлежали мне. Я швырнул их на заднее

сиденье машины, в то время, как две девушки примостились на переднем. Я завел машину и медленно поехал назад, нащупывая путь в темноте.

Когда мы были на дороге, я вплотную столкнулся с самой настоящей проблемой. Обе они заявили в унисон, что я являюсь их лидером; их действия зависят от моих решений. Я был Нагвалем. Мы не могли выбежать из дома и уезжать бесцельно. Я должен руководить ими. Но я, по правде говоря, не имел ни малейшего понятия куда ехать или что делать. Я случайно повернулся посмотреть на них. Фары бросали отблеск внутрь машины, и их глаза были подобны зеркалам, отражающим его. Я вспомнил, что глаза дона Хуана делали то же самое, они, казалось, отражали больше света, чем глаза обыкновенного человека.

Я знал, что обе девушки осознавали мое безвыходное положение. Лучше было бы пошутить насчет него, чтобы прикрыть мою несостоятельность, но я прямолинейно возложил ответственность за решение на них. Я сказал, что я еще не привык к роли Нагваля и буду признателен им, если они сделают мне предложение или указание, куда нам следует ехать. Они, казалось, были недовольны мною. Они щелкнули языком и покачали головой. Я наскоро перебрал в уме различные варианты действия, ни один из которых не был подходящим, – такие, как отвезти их в город, или взять их в дом Нестора, или даже взять их в мекхико.

Я остановил машину. Я двигался по пути к городу. Мне больше всего в мире хотелось поговорить с девушками откровенно. Я открыл рот, собираясь начать, но они отвернулись от меня, повернувшись лицом друг к другу и положили свои руки друг другу на плечи. Это, по-видимому, означало, что они отключились и не слушали меня.

Конец ознакомительного отрывка книги.

[Скачать книги Карлоса Кастанеды](#)